

Гардони Г.

ЗВЕЗДЫ ЭГЕРА
ТОМ 2

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Геза Гардони

Звезды Эгера. Т. 2

Серия «История в романах»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28730789
Звезды Эгера. Т. 2: Мир книги; Москва; 2011
ISBN 978-5-486-03870-9, 978-5-486-03866-2*

Аннотация

Геза Гардони (1863–1922) – венгерский литератор и журналист. Родился в семье слесаря из поместья аристократов в восточной Венгрии. Закончил учительский колледж и некоторое время работал учителем и кантором в католической церкви. В середине 80-х годов XIX в. Гардони начал писать статьи для журналов и газет. На переломе веков стал использовать в своих произведениях исторические темы, которые послужили основой для серии популярных исторических романов, таких как «Звезды Эгера» и «Невидимый человек».

В этом томе публикуется окончание (IV–V части) одного из наиболее известных произведений писателя – романа «Звезды Эгера» (1899), действие которого происходит в 1552 году, когда большая часть Венгерского королевства находилась под игом Османской империи, а на северо-западных территориях укрепились Габсбурги. В нем повествуется о знаменитой осаде венгерского города Эгера турецкими войсками. Среди героев

романа знаменитый Балинт Тёрёк и состоявший у него на службе Шебештьен Тиноди. Наравне с ними в борьбе против иноземных захватчиков участвуют и молодые влюбленные Гергей и Эва.

Содержание

Часть четвертая. Бедствия Эгера	6
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Геза Гардони

Звезды Эгера. Т. 2

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

*** * ***

Часть четвертая. Бедствия Эгера

1

Если в небесах есть книга, в которую записывают историю венгерцев, то следующие восемь лет должны быть записаны так:

1545. Турки взяли Буду, Эстергом, Фейервар, Сегед, Ноград, Хатван, Веспрем, Печ – почти вся страна в руках турок.

1546. Турки поделили Венгрию на пятнадцать санджаков¹. Уцелели только Верхняя Венгрия и один-два комитата на границе с Австрией.

1547. Венгерцев обируют не только турки, но и австрийцы.

1548. По всей стране распространяется вероучение Лютера и Кальвина. Венгерцы враждуют не только с турками и австрийцами, но и меж собой.

1549. Турки забирают под видом дани все, даже детей.

1550. Войска румын и турок двинулись в наступление на Эрдей. Монах Дёрдь за несколько дней выставил ополчение в пятьдесят тысяч человек. Румын разбили. Турки убралась вон.

¹ Санджак – административная единица в старой Турции.

1551. Королева Изабелла покинула Эрдей. Монах Дёрдь убит из-за угла.

Наступил 1552 год.

Сизым налетом покрывались шопронские сливы и поспевали подсолнухи. Однажды в солнечный ветреный день Эва Борнемисса вышла после обеда на веранду своего дома и стала разбирать мужнино платье. Она искала одежду какому-то юноше, уезжавшему на чужбину.

С тех пор как мы расстались с Эвой, она немножко пополнила, стала женщиной. Лицо, правда, еще сохраняло девичью белизну и бархатистость, но в милых кошачьих глазках не было уже прежней плутовской улыбки. Черты выражали кротость и спокойный ум.

– Вот вам, Миклош, даже два наряда, – сказала она школяру, разложив на столе поношенный костюм из узорчатого шелка вишневого цвета и будничный полотняный костюм. – Этот вам еще широковат. Но, может быть, через несколько месяцев будет как раз впору.

– Благодарю, благодарю вас, ваша милость! – пролепетал Миклош, зардевшись от радости.

– Правда, шелк кое-где посекся, – сказала Эва, разглядывая одежду. – Но вы ведь передохнёте у нас, а до вечера я все успею подштопать. – Потом она подняла серый полотняный костюм. – Вот этот будет вам как раз впору. Муж ездил в нем в Буду, когда турок занял ее и мы с королевой переезжали

в Липпу.

– Благодарю вас! – радостно сказал школяр. – В нем я и поеду. Его никакая пыль не возьмет!

Женщина обшарила карманы – все были пусты. Однако в кармане поддевки она нащупала что-то твердое.

Карман был дырявый. Эва сунула в него палец и нашла за подкладкой сложенный в несколько раз тоненький листик пергамента.

Посмотрела на него Эва, развернула, разгладила. Какой-то чертеж вроде пятиугольника, повсюду линии и точки.

– Миклош, скажите, что это такое? Черепаха, что ли?

Юноша положил бумажку себе на ладонь, потом повернул и долго рассматривал.

– Нет, это не черепаха, – сказал он, замотав головой, – хотя и похоже.

Из комнаты выбежал шестилетний черноглазый мальчуган. На поясе у него висела в ножнах из вытертого красного бархата превосходная сабля с позолоченной рукояткой.

– Мама, – защебетал ребенок, – ты обещала купить мне и трубу! Золотую трубу!

– Янчика, не мешай мне сейчас, – отстранила его мать. – Ступай, милый, в сад к Луце.

– А купишь потом золотую трубу?

– Куплю, куплю.

Ребенок сел верхом на саблю и, топоча, помчался во двор, а оттуда в сад.

– Так вот, – сказал школяр, внимательно разглядывая бумагу, – это план крепости, притом Эгерской.

– Эгерской крепости?

– Да. Извольте поглядеть: черепаха обведена двойной линией. Это крепостная стена. А голова черепахи и четыре лапки – пять башенных выступов. Четырехугольнички, начертанные тонкими линиями, – здания.

– А что это за серп возле черепахи?

– Наружные укрепления. В них нет зданий, как бывает обычно в наружных дворах крепости, – только две башни, с двумя вышками.

– А вот эти два черных крючка, которыми прикреплена середина серпа к черепахе?

– Это Темные ворота.

– Почему «Темные»?

– Потому что они под землей.

– А что это возле ворот?

– Конюшня.

– Такая большая конюшня?

– Большая и нужна, ваша милость. Тут же, наверно, и каретный сарай и жилье для конюхов. Должно быть, и ключник здесь живет.

– А вот эти точки возле ворот?

– Тут была церковь, которую построил еще король Иштван Святой. Половину ее, увы, снесли не так давно: десять лет назад.

– Как жаль!

– Конечно, жаль. Но на месте разрушенной части строения провели большой ров и построили наружные укрепления. Это было необходимо. Ибо эта и восточная сторона крепости были уязвимее всего.

– Но откуда вы это знаете, Миклош?

– Как же мне не знать! Я два года учился в эгерской школе, и там все об этом говорили. Тогда и построили Темные ворота.

– Поглядите, и на западной стороне, возле речки, тоже есть ворота.

– Есть ворота и здесь, с юга. В крепости трое ворот.

– А вот эти разные красные черточки – это что такое?

Школяр разглядывал, разбирал значки. Покачал головой:

– Это подземные ходы.

– Столько подземных ходов?

– Их много, только иные из них уже стали непроходимы.

– А четырехугольники в виде комнат?

– Это подземные залы. Здесь водохранилище. Тут кладбище.

– Кладбище? Среди подземных ходов?

– Должно быть, так. Видите, под этим подземным ходом написано: «Дорога мертвецов».

Женщина содрогнулась:

– Странно, что здесь хоронили мертвецов...

– Только во время холеры, – ответил школяр. – Теперь я

припоминаю, что слышал об этом.

– Ах, Миклош, как жаль, что вы не пришли к нам двумя неделями раньше!

– А почему, ваша милость?

– Тогда бы я раньше дала вам одежду и бумажку нашла бы раньше. А ведь мой муж, бедняга, как раз поехал в Эгерскую крепость.

– Я слышал, что турки повернули туда.

– Потому-то муж и отправился в Эгер. Только зачем он согласился взять с собой и моего отца? Подумайте только, семидесятилетний старик! И рука и нога у него деревянные, а поехал вместе с мужем.

– Воевать?

– Да, и воевать тоже. А еще потому поехал, что в крепости живет его старый друг – отец Балинт. Год назад они из-за чего-то поссорились. Тогда еще и мать, бедняжка, была жива. Отец Балинт перебрался в Эгер, к Добо. Вот мой батюшка и отправился мириться с ним. Они очень любят друг друга.

Эва открыла зеленый крашенный сундук, расписанный цветами, и достала оттуда книжечку – свой молитвенник. Она вложила в него чертеж крепости и выглянула в сад, где возле служанки, поливавшей цветы, бегал ее сынишка.

– Кто-нибудь да приедет из Эгера, – сказала она в раздумье. – Здесь живет старший брат Гашпара Петё. Он близок к королю и послал в крепость, где служит Гашпар, целый воз пороку и ядер. Если к нему придет гонец из Эгера, я пошлю

мужу чертеж.

Она взяла иголку с ниткой и положила на колени шелковый костюм. Пока они беседовали, во двор вошел мужчина в темно-синем ментике. Прикрыв калитку, он попрощался с кем-то.

– Не утруждайте себя, – сказал он, – здесь я уже и сам найду дорогу.

Эва встала. Голос ей был незнаком, человек тоже.

На веранду вели три ступеньки. Дойдя до них, незнакомец поднял голову. Это был одноглазый, смуглый, дородный мужчина. Усы у него были подкручены, в руке он держал палку вроде той, с которой ходят деревенские старосты.

– Добрый день! – приветствовал он Эву. – Говорят, что здесь живет его благородие лейтенант Гергей Борнемисса.

– Да, живет, – ответила Эва, – только его нет дома.

– Так он уже в самом деле уехал?

– Уехал в Эгер.

– Ах, какая жалость! – Незнакомец покачал головой. – Хотелось мне потолковать с ним... Но, может быть, его супруга...

– Я его супруга. Милости прошу.

Незнакомец поднялся по лестнице, снял шляпу и поклонился с глубоким почтением.

– Меня зовут Тамаш Балог, – сказал он, – я дворянин из Ревфалу.

По манерам незнакомца видно было, что он не крестья-

нин.

Эва любезно пододвинула ему стул и представила школяра:

– Школяр Миклош Рез. Едет в школу на чужбину. Старший брат его служит в войсках короля и знаком с моим мужем. Вот Миклош и заехал к нам на попутной телеге, чтобы передохнуть.

– Здравствуй, братец, – небрежно бросил одноглазый и, сев на стул, начал рассказывать: – Я приехал на конскую ярмарку, – сказал он, хлопнув себя по колену, – и были у меня разные дела к вашему супругу. Да и деньги я ему привез.

– Деньги? – удивилась Эва.

– Говорили, он нуждается в деньгах. Едет в Эгер и продает кое-какие серебряные и золотые вещишки.

– Да ведь у нас почти и нет ничего.

– Я очень люблю перстни.

И он показал свою левую руку: на ней сверкали перстни один прекраснее другого. Может быть, и на правой руке пальцы были унизаны кольцами, но правую обтягивала замшевая перчатка, и поэтому не было ничего видно.

Незнакомец продолжал:

– Говорят, у него есть одно великолепное кольцо.

– Есть, – ответила Эва улыбнувшись.

– С полумесяцем?

– И со звездами.

– Полумесяц топазовый?

– А звезды алмазные. Но откуда вы все это знаете?

– Нельзя ли мне взглянуть на кольцо? – Голос гостя задрожал.

– Нет, – ответила Эва. – Муж всегда носит его в кармане. Это какое-то счастливое кольцо, оно принадлежало турку.

Янчика бренчал в саду своей саблей. Он одним махом очутился на лестнице и, увидев незнакомца, взглянул на него с ребяческим удивлением.

– Поздоровайся с дядей, как положено, – сказала мать с улыбкой.

– Это чей мальчик? Сын господина лейтенанта? – спросил незнакомец. – Но к чему я спрашиваю! Вылитый отец!

Он привлек к себе ребенка, поцеловал его.

Какое-то неприятное чувство шевельнулось у Эвы, но через мгновение она уже забыла о нем.

– А когда же мы купим трубу? – приставал к матери мальчик.

– Разрешите мне купить ему трубу, – с готовностью предложил школяр. – Мне все равно придется завернуть на ярмарку. Я отведу Янчи и к моему вознице, покажу ему жеребеночка.

– Пусть будет по-вашему, – согласилась мать. – Вот вам динар, купите ему трубу. Но хорошенько смотрите за ним, Миклош! А ты, Янчика... ты ведь знаешь, что сказал отец. – Она обернулась к Тамашу Балогу и, печально улыбнувшись, добавила: – Он наказал нам беречь ребенка, как зеницу ока.

Янчика, прыгая от радости, отправился со школяром на ярмарку.

Мать крикнула им вдогонку:

– Миклош, гуляйте возле церкви! Мы сейчас тоже пойдем туда.

Она еще вчера собиралась на ярмарку, хотела приобрести кое-какую мелочь у приезжих венских купцов.

Господин Тамаш Балог рассеянно вертел в руке шапку, понуро глядя в сад.

– Какие вести из Солнока? – спросила Эва; глаза ее были полны тревоги. – Ведь правда туркам его не взять?

– Я тоже так думаю, – небрежно ответил Тамаш Балог.

– Муж сказал мне на прощанье, что нынче турки вряд ли попадут под Эгер. Солнок очень укрепили в прошлом году. Он сильнее Эгера.

– Гораздо сильнее.

– Но пусть Эгер не так укреплен, зато его будет защищать вся Верхняя Венгрия.

Господин Тамаш Балог кисло улыбнулся:

– Скажите, а есть у вас какой-нибудь портрет вашего супруга, господина лейтенанта?

– Конечно, есть, – ответила Эва. – В прошлом году написал немецкий художник.

– Не будете ли вы так любезны, ваша милость, показать мне портрет? Я много доброго слышал о витязе Борнемиссе. Хотелось бы посмотреть на него.

– Разве вы не знакомы? – удивленно спросила Эва.

– Когда-то были знакомы, да уж давно не встречались.

Хозяйка ввела гостя в комнату. Там стоял полумрак и приятно пахло лавандой. Эва отворила ставни. Видно было, что это гостиная. На полу – турецкие ковры. У стены – диван, покрытый медвежьей шкурой. Возле окна – конторка и книжный шкаф, а в нем не меньше сотни книг в кожаных переплетах. На стене – портреты. Портрет старика Цецеи в шлеме, писанный в ту пору, когда у него волосы были еще черные; портрет косоглазой жены Цецеи в шали, расшитой золотом. Потом пожелтевшее изображение Христа в ореховой раме; дальше – шаловливое личико девушки, очень похожей на хозяйку дома, и рядом портрет Гергея Борнемиссы. Тонкие черты смуглого, как у цыгана, лица. Большие глаза светятся умом и юношеским задором. Усы подкручены, подбородок окаймлен круглой, мягкой бородкой. Волосы отпущены до плеч.

С интересом разглядывая портрет, Тамаш Балог кивал головой:

– Бравый, красивый мужчина! Сколько же ему лет?

– Двадцать шесть.

– И у вас такой большой сын?

– Мы уже восемь лет женаты, – с улыбкой ответила молодая женщина. – Совсем еще детьми поженились.

Господин Тамаш снова взглянул на портрет:

– А правда, что господин витязь бывал и в Константино-

поле?

– Конечно, правда. Я тоже была с ним.

– Есть у меня знакомый турок, он рассказывал о нем. Мэндэ-бей. Огромный такой мужчина. Ваш супруг оказал ему однажды большую любезность.

– Мэндэ-бей? Никогда не слышала этого имени.

– Может быть, ваш супруг поминал Хайвана? Прежде этого турка звали Хайваном.

Эва улыбнулась:

– Хайван? Как же не знать! Я тоже видела его.

Тамаш Балог еще раз устремил взгляд на портрет, долго смотрел на него, насупившись и молча кивая головой, словно прощался с ним. Потом поклонился и, пятясь назад, вышел.

Снова в сердце Эвы зашевелилось тягостное чувство. Такое же, как в ту минуту, когда Тамаш Балог прикоснулся к ее ребенку. Тем не менее она проводила гостя до самой лестницы веранды.

Он шел все время по правую руку от нее. Так идут обычно крестьяне. На прощанье отвесил глубокий поклон, что свидетельствовало о благородных манерах. Из дверей вышел пятясь – на турецкий лад.

Эву что-то беспокоило, но она стала корить себя за это: «Нехорошо думать дурно о несчастном! Он одноглазый, потому и взгляд у него какой-то змеиный».

Она снова села за шитье и запела, чтобы отогнать трево-

гу. В саду пела служанка – Эва подхватила ту же песню. Потом проворными пальчиками начала пришивать пуговицы к вишневому шелковому костюму. В одном месте распоролся шов. Она стала искать красные шелковые нитки.

Но посетитель все не выходил у нее из головы.

«Кто этот человек? – размышляла она, опустив шитье на колени. – О кольце спрашивал, рассматривал портрет... Упоминал о Хайване... Ушел на турецкий манер... Кто этот человек?...»

Побледнев, она смотрела невидящим взглядом на запертые ворота, силясь что-то вспомнить. Теперь уже и лицо пришельца показалось ей знакомым. Но где же она видела его? Потом пришла в голову мысль о кольце. Гергей сказал, что возьмет кольцо с собой. Сказал шутя и сунул в карман будничной поддевки. Взял ли он эту поддевку с собой?

Она поспешно подошла к сундуку. Раскидала, разбросала всю одежду. Поддевка здесь. Дотронулась до кармана – и нащупала что-то твердое. Кольцо! Кольцо! И даже не завернуто в бумажку.

И вдруг, словно молния, прорезавшая тучу, в голове ее мелькнуло имя. Она ударила себя по лбу: Юмурджак!

Тут как раз вернулась из сада служанка. Видит, что хозяйка лежит у сундука среди раскиданных платьев, в лице ни кровинки, глаза обведены темными кругами.

– Ваша милость!

Нет ответа.

Служанка озирается, вбегает в другую комнату. Грабитель, что ли, здесь побывал? Ведь только в прошлую субботу среди бела дня ограбили прянишника Боту. Грабителей до сих пор не нашли.

Схватив флакон с уксусом, служанка трет хозяйке виски, подносит ей к носу флакон.

– Мой муж в опасности! – вот первые слова, которые вырвались из уст Эвы, лишь только к ней вернулось дыхание. – Где мальчик? Ах да, я отпустила его. Луца, скорей дай мне плащ! Пойдем за Янчи!

– Но, ваша милость, куда вы? Ведь вы так больны...

– Я не больна. Идем!

А на самой лица нет, бледна, как покойница. Поднялась на ноги и в чем была поспешно вышла за ворота.

От ощущения опасности напряглись все ее мышцы. Она понеслась прямо к церкви.

По улицам сновали люди, приехавшие на ярмарку. На площади среди телег, коров, привязанных за ногу, прихрамывающих свиней и всякой другой скотины ходили крестьяне, нагруженные бочонками и кадушками. Стоял обычный на ярмарке гомон, носились облака пыли и пахло луком.

Служанка догнала Эву только возле церкви и накинула на нее плащ.

Вдруг из толпы показался школяр.

Он понесся к ним бегом, расталкивая людей и крича:

– Басурмане взяли Солнок! Только что объявили перед церковью. Как же я поеду теперь?

– Мое дитя! – крикнула ему Эва. – Где вы оставили его?

– Господин Балог повел Янчи в церковь. Сказал, чтобы вы известил вас, пока он будет молиться. О господи, господи! Конец стране! Если Солнок в руках турок, то и Эгер не устоит!

– Дитя мое! Дитя мое! – кричала Эва, задыхаясь, и помчалась вверх по лестнице.

Она вбежала через главный вход в церковь, пробила сквозь толпу.

– Дитя мое! – кричала она, едва переводя дух. – Дитя мое!

В церкви шла как раз всенощная, и окрестные немецкие крестьяне, сидя на скамьях, громко пели на своем языке: «Christus höre uns! Christus erhöre uns! Herr erbarme dich unser!»²

Мать с воплями бросилась к рядам скамеек:

– Янчи! Янчи, сын мой!

Но Янчика не откликнулся.

2

Пятого сентября Гергей приветствовал утреннюю зарю неподалеку от Широкой крепости. Солнце светило в глаза

² Услышь нас, Христос! Внемли нам, Христос! Господь, сжался над нами!

ему и всей его дружине, где было двести пятьдесят веселых солдат. Впрочем, Гергей приветствовал не столько рассвет, сколько показавшийся на дороге отряд. Гергей даже снял шапку и поднес ее к глазам, защищаясь от яркого солнца.

Отряд двигался им навстречу.

Гергей ехал верхом впереди своих солдат и первым заметил этот в беспорядке двигавшийся отряд. Солдаты шли вооруженные саблями и пиками.

– Что за чудеса! – пробормотал Гергей. – Кто это такие? Турки не турки... А если венгерцы, то почему они идут со стороны Эгера?

Вдруг сердце его сжалось: а что, если Добо покинул Эгер?

Ведь король Фердинанд только на словах посылает подкрепления. Не дождавшись от него помощи, пали нынче и Липпа и Темешвар.

Кто знает, устоит ли Солнок! Добо – умный и осторожный человек, он очень скоро сообразит, что один венгерец не может управиться с сотней турок.

По дороге им встретилось много священников, ехавших на повозках со стороны Эгера; на телегах горой высились всякие пожитки, сундуки, шкафы, мешки. Гергей сперва здоровался с попами, потом расстроился и перестал уступать им дорогу.

На мгновение он испугался, подумав, что Добо оставил Эгерскую крепость. Но только на мгновение. Он тут же отогнал от себя эту мысль. Не такой Добо человек! Кого угодно

можно встретить сейчас на этой дороге, но только не Добо. И если б даже уходило его войско, Добо все равно не встретишь среди беглецов. Он останется один, погибнет, но в летописях страны никогда не будет записано, что Добо покинул порученную ему крепость. Ведь Эгер – ворота в Верхнюю Венгрию.

Приближавшиеся солдаты шли без знамени. Было их человек двести. Они двигались быстрым шагом, разбившись на мелкие группы.

Гергей подал знак Цецеи. Старик ехал верхом позади отряда, беседуя с каким-то пожилым солдатом. Цецеи всегда с кем-нибудь беседовал. Когда же зять поманил его к себе, он тотчас подъехал.

– Я поеду поразведать, что делается впереди, – сказал Гергей, – а вы, отец, командуйте тут без меня.

Он дал шпоры жеребцу и рысью подъехал к незнакомому отряду.

Глаза его искали офицера. Но в отряде не оказалось ни одного человека с пером на шапке. Тогда Гергей осадил коня и, подняв саблю, приказал отряду остановиться.

– Вы кто – кашшайцы?

Никто не ответил. Все смотрели смущенно. Иных даже в краску бросило.

– Откуда идете?

И на это он не услышал ответа.

– Ну? – воскликнул с досадой Гергей. – Вы что же, дали

обет молчания?

Наконец, саженный детина с широким подбородком поднял голову и кисло ответил:

– Мы-то сами жители Кашши, господин лейтенант, а едем отсюда, куда вы направляетесь.

– Из Эгера?

– Да. И вам бы, ваша милость, тоже лучше не утруждать себя поездкой в Эгер. Не стоит. Все равно придется обратно повернуть.

– А почему? Что случилось?

– Ничего особенного. Не забывайте пословицу: бойся, козочка, острого ножичка.

– Какого ножичка?

– А вы не знаете, что произошло в Темешваре?

– Знаю.

– А знаете ли вы, что Лошонци³ убили, а солдат его изрубили?

– Знаю.

– А знаете, что турок двести тысяч?

– Знаю.

– А знаете вы, что у господина Добо нет и тысячи солдат?

– В случае нужды может набраться и больше.

– А знаете вы, что третьего дня турки захватили Солнок?

³ Лошонци Иштван – отважный венгерский воин, прославившийся во многих сражениях. В 1552 году был комендантом Темешварской крепости, героически оборонял ее и пал в битве под Темешваром.

Гергей, побледнев, взглянул на солдата.

– Что ж, теперь знаю и это, но уверен, что будь вы там, Солнок пал бы еще раньше. Бегите скорее домой и спрячьтесь у матери под юбкой. А чтоб не впустую возвратиться, вот вам на всех гостинец, крысы!

И он влепил такую оплеуху солдату с широким подбородком, что тот чуть не свалился на соседа.

Гергей выхватил саблю и, верно, врезался бы в толпу беглецов, да они мигом свернули с дороги.

– Передайте поклон Дёрдю Шереди! – крикнул он им вдогонку. – Желаю ему похрабрее солдат, чем вы! Крысы!

И Гергей плюнул им вслед.

Кашшайцы, ворча, рассыпались по полю.

Гергей не смотрел на них больше. Поехал дальше, и только конь его чувствовал по шпорам, что хозяин весь дрожит от ярости.

Хорошо еще, что дорогой ему повстречался цыганский табор. То ли беглецы перевернули у них повозку, то ли она сама по себе свалилась – так или иначе, телега опрокинулась, и теперь цыгане хлопотали около нее, старались вытащить из канавы.

Гергей оглянулся, посмотрел, не очень ли отстал отряд. Потом, поджидая своих ратников, остановился перед цыганами и, желая развеять свою досаду, начал рассматривать их.

– Ба! – воскликнул он вдруг радостно. – Шаркёзи, друг мой!

Лохматый цыган обомлел, потом просиял от ласкового обращения. Сняв шапку, он подошел с поклоном, пытливо разглядывая Гергея лукавыми глазами.

– Ты что ж, не узнаешь меня?

– Как не узнать, милостивый витязь, целую ваши руки-ноги. Сразу же узнал. Только вот не припомню, как вас зовут.

– Ничего, еще припомнишь. Что ты здесь делаешь? Ободран ты, я погляжу, как пугало воронье.

Цыган почти с испугом оглядел себя: на самом деле оборванец. Он был в рубахе и кожаных штанах, залатанных лоскутьями сукна, вернее – в суконных штанах, залатанных лоскутьями кожи. Из-под штанов выглядывали красные босые ноги.

– Лошадь уже раздобыл себе?

– Где же мне раздобыть, господин витязь, целую ваши сапожки, откуда раздобыть! Нет у меня коня и никогда больше не будет.

– Поедем со мной, старина, в Эгер. Положу тебе жалованье, как любому оружейнику. Прослужишь месяц – и коня получишь. Да еще в придачу дам тебе такие красные штаны, что все цыгане лопнут от зависти.

Цыган ухмыльнулся, оглядел свои отрепья, посмотрел витязю в лицо и поскреб в затылке:

– В Эгер? Там, сударь мой, жарко будет.

– А ты не бойся. Работать поставим тебя в холодке, под самой башней. Ты будешь моим оружейником. – И Гергей

добавил по-турецки: – Аллах ишини раст гетирсин!⁴

Цыган так и подпрыгнул.

– Гергей Борнемисса, отважный господин лейтенант! – крикнул он, и глаза его заискрились от радости. – Ой, даже вашему коню копыта расцелую! Ну, не зря мне ночью желтый дрозд приснился!

– Вот видишь, и признал меня!

– Признал, признал! Как же не признать, целую ваши милые ножки. Сразу признал, только не мог вспомнить, кто вы такой.

– Так что ж, пойдешь со мной?

Цыган, опешив, почесал затылок:

– Пошел бы, ей-богу, пошел бы...

– Так за чем же дело стало?

– Да вот эти чертовы турки! – И Шаркёзи уже обеими руками поскреб себе голову. – Чтоб они на обе ноги охромели!

– Ведь их еще нет там!

– Будут, собаки, будут! Где солдаты бегают взад и вперед, там воздух нездоровый.

– Шаркёзи, но ведь и я там буду. А пока ты со мной, никогда не бойся. Если же нас прижмут, так ведь из крепости есть мышинная лазейка до самого Мишкольца.

Гергей сказал это наобум – ведь обычно из каждой крепости есть потайные выходы, но как раз их-то и ищет в первую голову неприятель. А об Эгерской крепости Гергей

⁴ Да поможет тебе Аллах в деле твоём!

знал только одно: капитан ее – Добо, второй капитан – Мекчеи, а это такие люди, ради которых он готов пойти хоть на край света.

Поддействовало ли на цыгана упоминание о потайном ходе или обещание подарить коня и красные штаны, а может быть, цыган просто любил Гергея, – во всяком случае, он еще раз почесал в затылке и согласился.

– Ладно, господин лейтенант, пойду к вам в отряд. Даром и то бы пошел, но если вы сообразоволяете подарить мне сапоги со шпорами, премного буду благодарен. Ничего, если и подошвы худые, лишь бы шпоры были.

Тут как раз подошел отряд, и солдаты, смеясь, слушали эту беседу. Пуще всего они развеселились, когда Гергей подставил ладонь и они с цыганом ударили по рукам.

– Ну, – сказал Гергей, пошарив в кармане, – вот тебе в задаток динар. До Эгера доедешь на моем запасном коне, а там как первый конь окривеет, мы его сразу же отдадим тебе. И сапоги получишь, но только когда турок прогоним.

Цыган весело вскочил на лошадь и забарабанил по ее бокам голыми пятками.

Из табора понеслись крики – цыгане желали ему счастья. Шаркёзи крикнул в ответ что-то по-цыгански, потом сдвинул шапку набекрень и, выпятив грудь, гордо поехал рядом с Гергеем.

– Эх, и высоко же занес меня Дэвла!

Через несколько часов бактайская дорога круто пошла в гору, и среди лесистых холмов выросли огромные, крытые зеленой черепицей башни Эгерской крепости. На башнях – национальные флаги и красно-синие стяги города. Крепость опоясывали могучие белые стены.

Что за красавица крепость! Вокруг нее одетые в багрянец и золото виноградники и леса. А за нею поодаль синее высокая гора, в шесть раз выше горы Геллерта.

Гергей снял шапку и обернулся к своему отряду:

– Ребята, смотрите туда! Сейчас и сам Господь с неба любуется крепостью!

И, прищпорив коня, он поскакал вперед.

Цыган размышлял мгновение: остаться ему во главе отряда или помчаться вслед за своим лейтенантом. Смекнув, что солдаты будут смеяться, если он вдруг поведет отряд, Шаркёзи хлопнул ладонью коня по крупу и принялся колотить его пятками.

– Вперед, гнедой, вперед!

Конь поскакал, высоко подкидывая цыгана, но Шаркёзи каждый раз ловко падал обратно в седло – видно, не зря он барышничал в подспорье к своему ремеслу кузнеца.

На дороге клубилась нагретая солнцем пыль, поднятая беженцами. Женщины, старики и дети ехали на возах или, под-

гоняя коров, плелись рядом с телегами, груженными всяким скарбом и живностью. Кое-где на возах даже хрюкали свиньи.

Турок свинину не ест, но кто знает, когда они сами вернутся домой! Рядом с одной телегой шла девочка в красных сапожках и несла клетку с синицей; какая-то женщина тащила за спиной в бадье целый куст цветущих роз. Уйма возов, уйма всякого скарба. Да, многие уже никогда не вернутся сюда. Особенно из числа тех, кто в долине пойдет к Пестрым воротам и оттуда свернет к Фелнемету. Батраки и вдовы останутся жить в Верхней Венгрии, где турецкий конь еще не ступал копытом. Бóльшая часть беженцев стремилась в Путнок и Кашшу.

Но Гергею было уже не до них. Через четверть часа он въехал в Бактайские ворота (западный проход в городской стене), изредка поглядывая на крепостные вышки, проскакал по рынку мимо архиепископской однобашенной церкви и поехал вверх, к воротам крепости.

Стена здесь была ярко-белая, новая – казалось, от нее еще пахло известкой.

Мост был спущен. Гергей птицей влетел в крепость, разыскивая глазами капитана.

На рыночной площади крепости стояло несколько сотен солдат, а перед ними – высокий, худощавый и статный человек в лиловом бархатном ментике. У пояса у него была сабля с широким клинком, на ногах высокие красные сапоги, в

руке он держал красную бархатную шапку с орлиным пером. Гергей узнал в нем Добо. Рядом с ним вытянулся загорелый белокурый оруженосец, сжимая в руке древки двух знамен: национального и красно-синего знамени Эгера. По другую сторону Добо стоял широкоплечий старик священник – отец Балинт – в белом стихаре и с серебряным распятием в руке. Седовласый, с длинной бородой, он был похож на библейского пророка.

В крепости как раз приводили солдат к присяге. Добо произнес заключительные слова своей речи, потом, надев шапку, повернулся и посмотрел на прискакавшего всадника.

Гергей спрыгнул с коня и, блестя глазами, отдал салют саблей.

– Господин капитан, честь имею доложить, что я прибыл.

Добо смотрел на него во все глаза. Пригладив свою круглую седеющую бороду и длинные развевающиеся усы, он окинул его изумленным взглядом.

– Не узнаете меня, господин капитан? Восемь лет не виделись. Я самый преданный солдат вашей милости: Гергей Борнемисса.

– Гергей, сын мой! – воскликнул Добо, раскрыв объятия. – Так я и знал, что ты меня не покинешь!

Глаза его светились радостью. Он обнял и расцеловал Гергея.

– Ты что ж, один приехал?

В тот же миг на гарцующем жеребце выехал на площадь

Шаркёзи. Конь подкидывал босого, оборванного цыгана на полсажени.

Солдаты засмеялись.

Улыбнулся и Добо:

– Это все твое войско?

Гергей рассмеялся:

– Нет, это только мой оружейник. Надеюсь, я правильно поступил, что привез его сюда?

– Здесь, сын мой, каждый человек на вес золота.

Цыган бросился целовать капитану руку – Добо отдернул ее.

Да разве Шаркёзи уймешь! Он поцеловал капитану голенища сапог.

– Так сколько же вас прибыло? – беспокойно расспрашивал Добо.

– Немного, – смущенно ответил Гергей. – Мне дали всего лишь двести пятьдесят солдат.

У Добо заблестели глаза:

– Двести пятьдесят? Сын мой, если бы ко мне отовсюду присылали по двести солдат, я встретил бы турка на Макларском поле.

– Так что ж, разве не придет подмога?

Добо ничего не ответил, только махнул рукой; потом, обернувшись к стоявшим вокруг него офицерам, представил им Гергея. Из королевских войск прибыл уже Золтаи, с которым Гергей познакомился одиннадцать лет назад в Буде.

Он и сейчас был такой же белокурый, стройный и веселый. Даже бороду не отрастил – стало быть, еще не женился. Был тут и другой офицер из королевских войск – Гашпар Петё, маленький человечек с колючими, навощенными усами; его именовали «ваша светлость». Возле Петё стоял голубоглазый парень с лихим чубом. Он тоже крепко пожал руку Гергею и представился:

– Янош Фюгеди, офицер капитула⁵.

Гергей взглянул на него:

– Что-то, братец, мне твое лицо больно знакомо!

Фюгеди улыбнулся:

– А я не припомню...

– Не ты ли угостил меня в Эрдее жареным воловьим ухом?

– Воловьим ухом?

– Ну да. На заднем дворе королевского замка, в тот вечер, когда должна была состояться свадьба Фюрёша.

– Может быть. Я и правда угощал там пажей всякой всячиной.

– Надеюсь отблагодарить тебя.

– Как так?

– Преподнесу тебе ухо турецкого паши. – Гергей повернулся к Гашпару Петё: – А ты чего унылый такой?

Петё пожал плечами:

⁵ *Капитул* – в католической церкви объединение духовных лиц при церкви. В Средние века капитулы обладали большими церковно-административными и судебными полномочиями и имели свои дружины.

– У меня двадцать ратников удрало по дороге. Ну пусть они только попадутся мне на глаза!..

– А ты никогда таких солдат не жалей, – сказал Добо, махнув рукой. – Ворота у нас открыты. Кто дрожит за свою шкуру – пусть убирается на все четыре стороны. Мне для защиты этих стен ящерицы не нужны.

Только тогда заметил Гергей отца Балинта, которого уже с год не видел. Он обнял и поцеловал старика.

– Вы что же, ваше преподобие, не уехали с попами?

– Надо же кому-то и здесь остаться, – ворчливо ответил отец Балинт. – А что поделявает Цецей?

– К вам едет! – чуть не крикнул в ответ Гергей. – Молодые удирают, а старики за сабли берутся. Вот увидите, как отец будет рубиться, хоть рука у него и деревянная.

Из церкви вышел коренастый человек с короткой шеей, одетый в темно-синий доломан и вишневого цвета штаны. О голенище его желтого сапога билась сабля шириною с ладонь. Он шел с едва поспевавшим за ним стариком в больших очках и уже издали, смеясь, махал рукой Гергею.

Это был Мекчеи.

С тех пор как Гергей расстался с ним, Мекчеи оброс бородой и стал еще больше похож на быка. Шел он грузным шагом – земля гудела у него под ногами.

– Так ты женился? – радостно спросил Гергей, после того как трижды обнял его.

– Ну, конечно, женился! – ответил Мекчеи. – У меня уже

и Шарика родилась.

– Кого же ты в жены взял?

– Голубоглазого ангела.

– Но кого же?

– Эстер Суньог.

– Ура! А где же твоя прекрасная сабля со змеиной рукояткой?

– Цела. Да только я берегу ее, по будням не надеваю.

– А где твоя семья?

– Отправил их в Будетинскую крепость. Пусть поживут там, пока мы с турками управимся. – И продолжал, бросив взгляд на Добо: – Я, правда, говорил старику, что не к чему нам жен отправлять отсюда, но он так боится за свою Шару. Всего лишь год, как женился.

Пришедший вместе с Мекчеи очкастый старик с окладистой бородой встал перед Добо, развернул лист серой бумаги и, далеко отставив его от себя, начал громко читать:

– Так вот, имеется у нас в наличии: овец восемь тысяч пятьдесят, четыреста восемьдесят шесть волов, коров, телят. Пшеницы, ржи и муки – всего одиннадцать тысяч шестьсот семьдесят одна мера. Ячменя и овса тысяча пятьсот сорок мер.

Добо покачал головой:

– Этого мало, дядя Шукан.

– Я и сам так думаю, господин капитан.

– Чем будем кормить лошадей, если турки не уберутся от

нас к зиме?

Старик пожал плечами:

– Выходит, ваша милость, господин капитан, что придется кормить лошадей хлебом, как и солдат.

– А сколько у нас вина?

– Две тысячи двести пятнадцать ведер.

– Тоже мало.

– Зато вино старое – нынешний-то сбор весь к черту полетел. Есть еще несколько бочек пива.

– А свиней?

– Живых сто тридцать девять. Свиных туш сто семнадцать.

Борнемиссе только теперь удалось осмотреться как следует. С северной стороны площади стояли в ряд дворцы; с восточной – обширное здание, похожее на монастырь, – теперь должно быть, казарма. Возле него – постройка, напоминавшая церковь. Но кровля на его низкой четырехугольной колокольне была плоская, и на ней стояли темные плетеные туры⁶ для защиты пушек. Повсюду сновали, сустились каменщики, плотники, землекопы и другой рабочий люд; везде стоял стук и грохот.

Гергею интересно было бы выслушать до конца доклад старика казначея, но он вспомнил о своем отряде, сел на коня и выехал из ворот, чтобы привести солдат.

Ввел солдат, построил. Добо пожал руку знаменосцу и по-

⁶ Тур – корзина, наполненная землей.

ручил Мекчеи привести их к присяге, разместить и накормить завтраком.

– А ты, Гергей, ступай в мой дом. Вон в тот – желтый, двухэтажный. Перекуси что-нибудь.

После того как солдаты принесли присягу, Гергей направился было в дом коменданта, но его больше интересовала крепость, и он всю ее объехал верхом.

– Чудесная крепость! – радостно сказал он по возвращении. – Если меня когда-нибудь назначат гарнизонным офицером, то дай мне бог в Эгере служить.

Добо удовлетворенно улыбнулся:

– Ты еще ничего не видел. Пойдем, я сам покажу тебе нашу крепость.

Борнемисса слез с коня. Добо кивнул белокурому оруженосцу:

– Криштоф, веди коня за нами.

Он взял Гергея под руку и повел к южным воротам. От них влево и вправо на некотором расстоянии от стены тянулся крепкий частокол, образуя нечто вроде улицы. Ясно, что Добо построил этот частокол для защиты людей, проходящих возле стены, от пуль, которые прилетят с северной стороны.

– Вот видишь, – сказал он остановившись. – Для того чтобы тебе быстрее понять, как устроена крепость, представь себе большую черепаху, которая смотрит на юг, на Фюзеш-Абонь. Здесь, где мы находимся сейчас, ее голова. Четыре ноги и хвост – это башни. По бокам – воротца... – И

он крикнул, поглядев на вышку башни: – Эй, караульный, хорошо смотрите?

Караульный выглянул из башенного оконца и отодвинул назад трубу, висевшую у него на цепи у пояса:

– Мы даже по двое посмотрим, господин капитан.

– Поднимемся на башню, – кивнул Добо Гергею. – С этой стороны не сегодня-завтра подойдет турок. Посмотри вокруг хорошенько.

И он движением руки предложил Гергею пройти первым. Но Гергей попятился:

– Господин капитан, я уже принял присягу.

Это означало: «Я уже не гость».

И Добо пошел впереди него.

На вышке башни сидели четверо дозорных. Они отдали честь.

– Познакомьтесь со старшим лейтенантом Гергеем Борнемиссой, – сказал Добо.

Дозорные снова отдали честь. Гергей тоже поднес руку к шапке.

С вышки виднелись к югу две деревеньки и мельница; первая деревня – на расстоянии полета стрелы, вторая – на таком же расстоянии от первой. А за этими селениями между двумя разветвленными цепями холмов раскинулась низменность, пестря красноватыми и зелеными тонами.

– Там начинается Альфёльд⁷, – объяснил Добо.

⁷ Альфёльд (венг.) – Венгерская низменность.

– А эти две деревушки под нами?

– Та, что поближе, в пять домов, – Алмадьяр. Дальняя, домов на тридцать – тридцать пять, – Тихамер.

– А речушка?

– Это Эгер.

– А то озерко?

– Его называют Мелегвиз⁸.

– Справа от озера ворота, каменная стена и деревья – это что?

– Заповедник. Архиепископский заповедник.

– А вот около этих ворот, кажется, новые стены?

– Новые. Я их сам построил.

– Ох, и высокие! Сюда турок вряд ли сунется.

– Для того и построены. Слева, как видишь, ворота защищены пушкой, а сверху бойницы понаделаны.

– В каждой крепости ворота защищены слева; у ратника, идущего в бой, щит тоже на левой руке.

– Здесь справа и нельзя было бы. Речушка-то протекает, как видишь, мимо западной стены крепости. В мельничной плотине я велел закрыть шлюзы, чтобы у нас была вода. Мы там и русло подняли, насыпав землю.

Спустившись, они прошли в западную часть крепости, которая выходила в город.

– Ну и высока стена! Голова может закружиться! – дивился Гергей. – Саженой десять будет?

⁸ *Мелегвиз* (венг.) – буквально: «Теплая вода».

– Может, и того больше. С этой стороны турки и вправду не подступятся. Снаружи каменная стена, изнутри земляной вал. А теперь сядем на коней. Здесь мы вряд ли схватимся с турками.

Они сели на коней и поехали дальше.

Город внизу был тих и безлюден. Над домами возвышались собор и дворец архиепископа. В западном конце на горе стояла церковь Святого Миклоша, принадлежавшая монастырю августинцев. С запада город окружен был цепью ровных, высоких холмов; за ними поднимались синие кручи Матры.

На этой стороне были построены две башни, а между ними – низенькие крепкие ворота. Как раз в это время солдаты вели коней к речке.

За речкой, на городском рынке, виднелось стадо свиней, около них околачивалось несколько человек.

– Здесь еще народ есть? – спросил Гергей с удивлением.

– Есть, – ответил Добо. – Я каждый день предлагаю им уйти отсюда, но все норовят сначала продать своих свиней и прочую живность.

Внутри крепости перед воротами построены были пятьдесят солдат. Их обучал лейтенант с костлявым лицом и колючим взглядом.

Солдаты были при саблях, в ржавых шлемах с опущенным забралом и в доспехах. Двое стояли на середине. Лейтенант покрикивал:

– Руби, оттягивай! Руби, оттягивай! Оттягивай обратно! Говорят же тебе, осел: ударил саблей и сразу оттягивай!

По ученику – крепкому крестьянскому парню – видно было, что он новичок в солдатском деле. Добо определил его в отряд кашшайцев только потому, что жаль было ставить молодого силача к пушкам.

– Учит их Хегедюш, – сказал Добо, – лейтенант кашшайцев. Славный, умный человек.

И он крикнул отряду:

– Если вам что-нибудь непонятно, спросите господина лейтенанта!

Парень опустил саблю и, взглянув на Добо, спросил:

– Я в толк не возьму, господин капитан, зачем надо оттягивать саблю?

– Господин лейтенант объяснит тебе.

– А для того надо саблю оттянуть, сапог, – сердито ответил лейтенант, – что ты должен и защищаться и быть готовым к новому удару!

– Господин лейтенант, – парень сплюнул в сторону, – да уж раз я кого хвачу саблей, так сдачи он больше никогда не даст!

Добо стегнул коня и улыбнулся:

– Эгерский парень! Хорошо ответил!

Они проехали вдоль стены к северной части крепости. Там стояло два дворца, крытых дранкой, выкрашенной в зеленый цвет. Дворец поменьше – более пышный, в окна со

свинцовыми переплетами там были вставлены круглые стеклышки. А большой дворец скорее походил на барский амбар; назывался он монастырем. Во времена Добо он принадлежал капитулу крепости, но помещались в нем гарнизонные офицеры. В этом дворце окна были затянуты бычьим пузырем. Позади маленького дворца, за зеленой оградой, раскинулся цветущий сад. В саду были скамьи и беседка, увитая виноградом. Над астрами кружилась запоздалая рыжая бабочка.

Взгляд Гергея остановился на астрах, и Добо тоже посмотрел на них.

– Жена моя, бедняжка, зря посадила цветы.

– А где она сейчас?

– Отправил ее к моим сестрам. А то женские слезы нашему брату не на пользу.

Они пересекли сад и вышли к самому углу западной стены крепости.

Стена и с этой стороны оказалась необыкновенно высокой. Под ней был выступ каменистого холма, обрывавшийся отвесной кручей до самого города.

– Погляди, – сказал Добо, – Земляная башня. Она построена для того, чтобы защитить этот угол от обстрела и охранять вон ту Казематную башню. – И он указал на башню, возвышавшуюся у самого края крепости, на хвосте «черепашки».

Оттуда тоже открывался великолепный вид на город и на тянувшуюся к северу узкую долину, обсаженную тополями.

В конце долины виднелась вся утонувшая в зелени, красивая, большая деревня Фелнемет. За деревней долина расширялась и была ограждена со всех сторон лесистыми горами.

Но Гергей недолго любовался окрестностями. Его внимание привлекало то, что было позади крепости. Там поднимались высокие холмы; крепость была отделена от них только глубоким рвом.

– Вот откуда можно ждать нападения! – сказал Гергей, окинув взглядом холмы.

– Да, отсюда и с востока, – подтвердил Добо. – Но тут стена крепче всего, и мы поставили на нее четыре самые большие пушки.

Возле Казематной башни он соскочил с коня и бросил повод оруженосцу Криштофу:

– Отведи в конюшню.

Взошли на Казематную башню, где стояли, грозно разинув пасти, большая пушка, четыре мортиры и около двадцати пищалей.

Возле пушек белокурый кудрявый пушкарь-немец обучал крестьян:

– Когда я говорю «бор», тогда дай мне бор! Когда я говорю «дюсс» – давай дюсс!⁹

Крестьяне серьезно слушали пушкаря.

Добо улыбнулся:

⁹ По-венгерски «пор» – порох, «бор» – вино, «тюз» – огонь. Немец говорит на ломаном венгерском языке и путает слова.

– Добрый день, Файрих! Если вы говорите «бор», то не получите пороха, потому что «бор» – не порох, а вино.

Он так же коверкал немецкий язык, как пушкарь – венгерский, поэтому они поняли друг друга.

Пушкарь начал снова:

– Когда я говорю «пар», тогда не приноси бар, а дай пульвер, круцификс доннер-веттер¹⁰!

Наконец пришлось объяснить крестьянам, что когда мастер Файрих просит вина, надо открывать мешок с порохом; когда же он просит порох, его нужно угощать вином.

В крепости было пять немцев-пушкарей. Добо выписал их из Вены.

– Погляди, какая прекрасная пушка! – сказал Добо, погладив орудие. – Зовут ее Лягушка. Как наша Лягушка заквакает, сразу на турок дождь польет.

Бронзовая пушка была начищена до блеска. На окованном железом дубовом лафете она и в самом деле походила на сидящую лягушку.

Добо с Гергеем пошли дальше, к восточному углу, где возвышалась еще одна могучая башня. Это была левая задняя лапа «черепахи».

– Шандоровская башня, – пояснил Добо.

Гергей остановился в изумлении.

Начиная от башни вся восточная сторона крепости снаружи была обнесена высокой, толстой стеной, изогнутой в виде

¹⁰ Немецкое бранное выражение.

переломанного в двух местах серпа.

Выглядело это так:

Снаружи – ров, изнутри, у стены крепости, – ров глубиной в десять – двенадцать саженей. Только посередине внутреннего рва сделана была узкая насыпь, как видно для того, чтобы по ней переходили из крепости солдаты.

– Это наружные укрепления, – пояснил Добо. – Видишь, с востока возле них поднимается высокий холм, почти гора. Это Кирайсеке¹¹. Называется он так потому, что здесь посиживал перед своим шатром Иштван Святой, наблюдая, как строится церковь. Внизу холм пришлось разрезать рвом.

– Понятно, – кивнул Гергей. – Умный был человек тот, кто это сделал!

– Это сделал десять лет назад Перени... На противоположной стороне тоже стоит башня – башня Бебека. А вон та угловая вышка служит для того, чтобы мы от самых ворот до этого места могли следить за неприятелем и обстреливать его.

Как и повсюду, высота стены была увеличена саженным тыном. В некоторых местах на нем даже глина еще не просхла. Тын служил для того, чтобы осаждающие не видели защитников крепости, когда те ходят по стене.

– А теперь пойдем в Церковную башню, – сказал Добо, снова взяв Гергея под руку.

¹¹ *Кирайсеке* – буквально: королевский стул.

В нескольких шагах от Шандоровской башни Гергей увидел два огромных здания – нечто вроде монастыря. Половина пристроенной к нему громадной церкви была снесена. Вместо четырех куполов остался только один. Уцелели резные двери, над дверями – большие каменные цветы и статуи святых с изуродованными лицами. Но что это за церковь, где нет ни одного богомольца и вся она набита землей! Что это за церковь, где вместо колоколов в звоннице пристроилась пушка, а вместо звуков органа из нее несется гром пушечных выстрелов – звучит орган смерти!

По одну сторону церкви – бугор. На нем пасется коза. По другую сторону – сводчатый вход. Камни его закопчены.

– Здесь у вас пороховой погреб? – спросил Гергей.

– Да. Зайди посмотри, сколько тут собрано.

– Тут, верно, была ризница?

– Да. Место сухое, самое подходящее для хранения пороха.

– А ведь грех было разрушить эту церковь...

– Что ж поделаешь! Мне и самому жаль. Но, может быть, мы как раз благодаря ей и спасем крепость. Пусть уж лучше такой будет, лишь бы не славили в ней Аллаха.

Они вошли. Все здесь больше напоминало винный погреб, чем ризницу: тут громоздились друг над другом черные бочки.

– Ого, как много! – воскликнул удивленный Гергей.

– Много! – с улыбкой согласился Добо. – Больше двухсот

бочек. Здесь я держу весь запас пороха.

– В одном месте? А что, если взорвется?

– Этого быть не может. Перед входом стоит стража. А ключ у меня. Входить дозволено только Мекчеи и старику Шукану. После захода солнца и до самого рассвета я никому не даю ключа.

Гергей кинул взгляд на окно. В окне были круглые стеклышки в свинцовой оправе и тройная железная решетка.

Против дверей, из которых падал косой луч света, стояла большая круглая кадка, доверху наполненная порохом.

Гергей запустил в нее руку, потом высыпал порох обратно.

– Этот хорош для пушек, – сказал он. – Сухой.

– Порох для ружей я держу в лагунках, – ответил Добо.

– Порох-то здешний или венский?

– И здешний и венский.

– А какова смесь здешнего?

– Три четверти селитры, одна четверть серы и древесный уголь.

– Мягкий или твердый?

– Мягкий.

– Это лучше всего. Но угля я кладу чуточку больше, чем другие.

На почерневшей стене над кадкой виднелась большая закопченная, ободранная картина. Можно было различить только два лица: скорбное лицо бородатого мужчины и лицо юноши, склонившегося ему на грудь. Обе головы окружены

были желтым ореолом. Начиная от шеи юноши полотно было сорвано, из-под него выступала побеленная стена.

– Тут были, очевидно, образа, – сказал Добо. – Может быть, их написали еще при Иштване Святом.

Около ризницы работали две пороховые мельницы. Их вращали лошади.

Под боковым каменным сводом церкви солдаты изготавливали ручные гранаты. Два сержанта-пушкаря следили за их работой.

Гергей остановился. Взглянул на порох, на фитиль и покачал головой.

– Неладно что-нибудь? – спросил Добо.

– Ладно-то ладно, – Гергей передернул плечами, – но только уж для той башни, где я буду стоять, позвольте мне самому делать гранаты.

– Если знаешь лучший способ, расскажи нам. Ты человек ученый, а защита крепости важнее всего прочего.

– Да, я знаю лучший способ. У вас гранаты старого образца. Они трещат, подсакивают, разрываются – и делу конец. А я кладу в свои гранаты заряд.

– Какой заряд?

– Вроде маленькой гранаты. Промасленную паклю, осыпанную медными опилками, железные опилки и кусок серы. Моя граната действует дважды: разорвется – и тогда из нее выскакивает вторая граната.

Добо обернулся и крикнул работающим:

– Прекратить работу! Господин старший лейтенант Борнемисса придет к вам, и вы будете делать так, как он прикажет.

Они поднялись на колокольню, превращенную в башню. Наверху она была огорожена плетеными турами, наполненными землей. Между турами под каменными сводами помещались пушки. А посередине – горки ядер и пороховая яма.

Отсюда видны были все наружные укрепления, охватившие огромным полукругом восточную сторону крепости, две башни на них и на башнях две круглые вышки.

Но видна была и возвышенность напротив стены, которая была вполовину ниже самой крепости.

– Да, вот здесь, с восточной стороны, и будут осаждать пуще всего, – рассудил Гергей. – А вдобавок еще по утрам здесь солнце бьет в глаза. Тут нужен человек не робкого десятка!

– Я о тебе подумал.

– Спасибо. Не подведу!

И они пожали друг другу руку.

Среди прочих пушек словно на корточках стояла огромная и массивная бронзовая пушка. В ее широкое жерло входили ядра с человеческую голову. На стволе сверкали золотом всякие надписи и украшения.

– Это Баба, – сказал Добо. – Прочти-ка, что на ней написано.

На стволе пушки в венке из пальмовых ветвей блестело

изречение:

Бог – наша сила и крепость!

Девятого сентября солнце не показывалось. Небо затянули серые тучи. Крутые вершины Матры заволокло мглой. Погода напоминала капризного ребенка: ему и плакать хочется и на ум не пришло, из-за чего бы поплакать.

В крепости оживление: люди снуют, стучат. На нижнем рынке плотники плоско затесывают концы шестов длиной в полсажени. Тут же несколько солдат сверлят отверстия в этих затесанных концах, а шесты соединяют крест-накрест. Третья группа солдат привязывает к крестовинам просмоленную и промасленную паклю. Крестовины назывались «фурко». Их набралась уже целая куча.

Возле ризницы старик Шукан мерками отмеряет порох. Крестьяне набивают порохом небольшие кожаные мешочки и относят пушкарям.

Здесь же сержант-пушкарь Янош следит за тем, как снаряжают порохом круглые гранаты из обожженной глины. Из запальных отверстий торчат фитили длиной в пядь. Эти гранаты с зажженными фитилями забрасывают в расположение противника при помощи проволочных приспособлений, похожих на английские битки для мячей. Но бросали гранаты и с руки, а если они с ушками, то и с копья. Гранат изготовлено было уже около тысячи штук.

Возле Старых ворот стоят два длинных ряда домов, разделенные площадью нижнего рынка. Это казармы. Здесь орудуют точильщики и стучат слесари. Они обязаны чинить оружие каждому, кто принесет.

Рядом с Темными воротами, в просторных подземных стойлах, коровы и волы пережевывают жвачку. Мясники устроили бойню прямо подле крепостной стены. Кровь стекает по канавке в ров.

Для обитателей крепости каждый день закалывают по четыре, по пяти волов или коров.

Гергей стоял как раз на Шандоровской башне. Около нее из бревен и досок соорудили помост, чтобы изнутри крепости можно было подниматься на стены целым отрядом. Каменные лестницы башен не были приспособлены к тому, чтобы в случае срочной необходимости защитники сразу могли очутиться наверху.

Помосты были сооружены возле каждой башни, но у Шандоровской их переделывали заново, так как плохо вбили сваи и помост шатался.

Добо поднялся на помост вместе со своими офицерами, потом, покачив столбы, сказал:

– Столб должен быть вкопан так, чтобы он один мог удерживать сто человек, если даже все остальные столбы будут сбиты. К каждому столбу поставьте подпорки и густо побелите их. – И, обернувшись к оруженосцу, добавил: – Ступай к женщинам – пусть принесут известку и кисти.

На церковной колокольне пронзительно затрубил трубач.

– Что такое? – крикнул ему Мекчеи. – Ты что трубишь?

Мы же здесь!

– Идут!

И тут все офицеры поняли: идет передовой отряд турок!

Уже много дней до самого Маклара стояла длинная цепь караульных. Эта живая подзорная труба, протянувшаяся до Абоньского поля, день и ночь наблюдала за приближением турецкой рати. Переодетые лазутчики ходили и дальше, до Вамошдёра и Хатвана. Они уже донесли Добо, что турки выступили. Лейтенант Лукач Надь вызвался сделать вылазку из крепости и с отборным отрядом в двадцать четыре всадника расстроить передовые отряды турок. Но весть о прибытии головного турецкого отряда в Абонь разнеслась только сейчас. Теперь уж знали наверняка, что турки направляются именно к Эгеру.

Вот что означал возглас: «Идут!»

Мекчеи взбежал на стену и помчался к южным воротам. Добо – тоже. Офицеры последовали за ним. У южной башни они остановились и, приставив руку козырьком к глазам, глядели на дорогу, которая вела из далекой равнины через деревушки Алмадяра и Тихамер прямо к крепостным воротам.

По алмадярской дороге во весь опор летел всадник, оставляя за собой облако пыли. Шапки на голове у него не было. За спиной развевался красный доломан, висевший на ремне.

– Это мой солдат, – сказал Гергей. – Бакочаи!

Бакочаи был превосходным наездником и только волей случая стал пешим солдатом. Он все время умолял позволить ему сесть на коня и, наконец, попал в конный разъезд.

Когда он подъехал к крепости, видно было, что лицо у него в крови, а сбоку у седла болтается что-то круглое, похожее на дыню.

– Мой солдат, – воскликнул Гергей, радостно топнув ногой. – Бакочаи! Ну да, Бакочаи!

– Гм... Он, очевидно, дрался! – рассудил Добо.

– Эгерчанин! – похвалил Мекчеи.

– Но мой солдат! – весело возразил Гергей. – Мой ученик!

Вслед за гонцом, взметая клубы пыли, мчались по дороге еще трое. Остальных, вероятно, изрубили.

Стало быть, турок близко.

Что почувствовал Добо, услышав это известие?

Идет турецкая рать, которая сокрушила летом две самые могучие твердыни Венгрии: Темешвар и Солнок, захватила Дрегей, Холлокё, Шалго, Буяк, Шаг, Балаша-Дярмат – словом, все, что пожелала. Идет турецкая рать, хочет подчинить владычеству султана то, что еще уцелело от Венгрии.

И вот турки уже здесь. Надвигаются, как страшный Божий суд, как палящий огонь, как кровавый вихрь. Сто пятьдесят тысяч тигров в человеческом обличье, диких зверей, опустошающих все вокруг. А может быть, их даже двести тысяч. Большинство из них с юных лет приучено стрелять из лу-

ка и ружья, влезать на стены, переносить лишения походной жизни. Сабли их изготовлены в Дамаске, панцири – из дербентской стали, копья – работы искусных индостанских кузнецов, пушки отлиты лучшими мастерами Европы; пороха, ядер, пушек, ружей у них тьма-тьмушая. А сами они – кроважные дьяволы.

И что же им противостоит?

Маленькая крепость, шесть жалких старых пушек и чугунных труб – пищалей, которые тоже называли пушками.

Что же мог почувствовать Добо!

Гонец Иштван Бакочай влетел в крепость и соскочил с коня. Потный, окровавленный, запыленный, остановился он перед Добо. К седлу привязана голова турка, смуглолица, с вьющимися усами. У Бакочай левая половина лица почернела от запекшейся крови.

– Честь имею доложить, господин капитан, – сказал он, щелкнув каблуками, – турки уже здесь, черт бы их побрал!

– Только передовой отряд, – спокойно поправил его Добо.

– Да, господин капитан, передовой отряд. Всю рать не удалось увидеть: она за Абоньским лесом, но в передовом отряде, черт бы их побрал, у них проворный народ. Как только заметили нас, тут же схватили двоих. За мной тоже погнались. Дальше всех гнался вот этот черномазый, черт бы его побрал!

– А где же твои товарищи?

Витязь глянул в сторону ворот и отрапортовал:

– Моются в речке, черт бы их побрал!

– Ну, – сказал Добо, – с нынешнего дня ты младший сержант. Ступай выпей кружку вина, черт бы ее побрал, – добавил он усмехнувшись.

Во дворе крепости теснились люди, чтобы поглядеть на отрубленную голову. С макушки ее свисала длинная прядь. Ухватившись за эту прядь, Бакочаи держал на весу мертвую голову и гордо показывал ее всем.

Как только разнеслась весть о приближении турок, крепость превратилась в гудящий улей.

Все сгрудились вокруг Бакочаи, чтобы послушать его и воочию увидеть отрубленную голову турка. Даже женщины выбежали из пекарен и кухонь. Поднявшись на цыпочках позади собравшейся толпы, слушали они рассказ воина и с ужасом смотрели на басурманскую голову, из которой еще капала кровь.

Все это происходило, конечно, после того, как Добо вместе со старшими офицерами покинул рыночную площадь и направился ко дворцу, где они решили посоветоваться.

Повесив голову турка на сучок липы, Бакочаи уселся на стул и поставил голову цирюльнику.

В крепости было тринадцать цирюльников – четыре мастера и девять подмастерьев. Собрали их сюда, конечно, не для того, чтобы брить головы и стричь волосы. В их обязанности входило промывать, зашивать раны, останавливать

кровь квасцами. А что же делали врачи? Да их во всей стране было меньше, чем сейчас в любом захолустном городишке. Цирюльники везде сходили за врачей.

Все тринадцать цирюльников кинулись к Бакочаи, надеясь расспросить его о новостях.

Прежде всего они стащили с него доломан и рубаху. Самым старшим из цирюльников был мастер Петер – он первый и взялся за дело.

Перед Бакочаи держали большую глиняную миску и кувшин с водой.

И помыли Бакочаи как следует, по-венгерски!

Пока ему промывали длинную рану на голове и прикладывали квасцы, он покорно терпел. Когда же рану начали зашивать, Бакочаи вскочил, опрокинул стул, миску, цирюльника, его помощника и, рывкнув: «Черт бы вас побрал!», пошел в казарму.

– Ишь ты, выдумали, как штаны, меня зашивать, черт бы их побрал!

Он сорвал с края окна большую паутину, приложил к ране и сам ее перевязал. Потом сел за стол, наелся сала, выпил вина, лег на соломенный тюфяк и сразу заснул.

Почти одновременно с солдатом, тоже верхом, прибыл в крепость крестьянин. Он был в сермяге и черной шляпе с загнутыми полями. В руке держал высокий зеленый посох.

Когда Добо кончил беседу с солдатом, крестьянин, не сле-

зая с коня, спросил какую-то женщину:

– Который здесь господин капитан?

– Вот тот высокий господин, что проходит мимо цирюльников, – указала женщина. – Сами можете признать его по перу на шапке.

Крестьянин посмотрел в указанную сторону и прежде всего увидел цирюльников. Все тринадцать были заняты стрижкой. Пятерня в волосы, несколько взмахов ножницами – и готово! Так они обстригли почти наголо всех офицеров: длинные, отпущенные до плеч волосы могли загореться, да и причесываться некогда во время осады.

Крестьянин сошел с коня, привязал его к дереву, пошарил в своей суме и, вынув из нее письмо с большой печатью, побежал вслед за Добо:

– Господин капитан, я привез письмо!

– От кого?

– От турка.

Добо помрачнел.

– А как же ты посмел привезти? – крикнул он, топнув ногой. – Может, ты сам турок?

У крестьянина ноги подкосились:

– Какой же я турок, прошу прощенья. Я Калба.

– А знаешь ли ты, что венгерцу грешно возить письма неприятеля? – И Добо приказал солдатам: – Взять его под стражу!

Двое солдат с пиками встали по обе стороны крестьянина.

– Милостивый витязь, – взмолился крестьянин, – меня же заставили!

– Тебя могли заставить только взять в руки письмо. А привезти его сюда никто не мог тебя заставить. – И Добо взглянул на солдат: – Стойте здесь!

Он велел трубить сбор и, скрестив руки, встал под липой, где висела голова турка. Ждал, пока соберется народ со всей крепости.

Не прошло и трех минут, как все сбежались. Офицеры окружили Добо. Солдаты выстроились, позади всех стали крестьяне и женщины.

Добо заговорил:

– Я созвал население крепости потому, что турок прислал письмо. С неприятелем я не переписываюсь. Если враг присылает письмо – швыряю ему обратно или вколачиваю в глотку тому, кто его посмел принести. Только это первое письмо велю я прочесть и немедленно перешлю королю. Пусть он убедится воочию, что турок здесь и нам нужна подмога. Я и без того знаю, что в письме: они грозят или торгуются с нами. Угроз мы не боимся, в торг не вступаем. Родина не продается ни за какие деньги! Но чтобы вы собственными своими ушами слышали, как разговаривает неприятель, я велю прочесть письмо. – И он протянул письмо Гергею, зная, что тот ученей всех в крепости и с первого взгляда разберет любой почерк: – Прочти вслух.

Гергей встал на камень. Он сломал печать, стряхнул песок

с бумаги, посмотрел подпись и сказал:

– Посылает письмо Ахмед-паша из Каалы.

«Коменданту Эгерской крепости Иштвану Добо – привет!

Я, анатолийский Ахмед-паша, старший советник великого, непобедимого султана, старший военачальник его несметной, несокрушимой рати, сообщаю вам, что нынешней весной могучий падишах отрядил в Венгрию два войска. Одно из них захватило Липпу, Темешвар, Чанад, Солнок, а также все крепости и замки, расположенные по берегам Кёрёша, Мароша, Тиссы и Дуная. Второе войско сокрушило две венгерские рати, заняло Веспрем, Дрегей, Сечен и берег Ипоя. Нет такой силы, которая устояла бы перед нами!

И теперь два наших победоносных войска соединяются под Эгером.

Исполняя волю могучего и непобедимого султана, я призываю вас не сопротивляться его величеству, а покориться его воле – впустить башу, которого я пришлю, сдать ему город и крепость Эгер».

– Держи карман пошире! – загудели со всех сторон. – Не читай дальше! Пусть псы его слушают!

Но Добо призвал всех к тишине:

– Нет, вы послушайте турецкую музыку. Особенно хорошо выводят они высокие нотки. Читай дальше.

– «Честью заверяю вас: если вы изъявите покорность, то ни вы, ни ваше добро не пострадают. Падишах будет милостив к вам, а я предоставлю вам такую свободу, какую вы

знали только при ваших прежних королях».

– Не нужна нам турецкая свобода! – гаркнул Цецеи. – Мы уж как-нибудь и венгерской обойдемся!

Все улыбнулись.

Гергей продолжал:

– «Я защищу вас от всех бед...»

– Вот именно для того они и пожаловали, чтобы защитить нас от бед! – закричал Гашпар Петё.

Кругом поднялся хохот. Засмеялся и Гергей.

Народ уже знал, как ведут себя турки, когда сдается какая-нибудь крепость.

Один Добо стоял мрачнее тучи.

Гергей продолжал читать:

– «В подтверждение сего я ставлю свою доподлинную печать. Ежели вы не покоритесь – навлечете на свои головы гнев могучего падишаха, а тогда и вы сами и дети ваши умрете страшной смертью. Посему отвечайте немедленно!»

В ответ раздался грозный гул:

– Чтоб он лопнул, этот падишах, со всем своим могуществом! Пусть только сунется сюда!

Лица покраснелись. Даже у самых кротких и то огнем загорелись глаза.

Гергей вернул письмо Иштвану Добо. Шум затих.

Добо не надо было вставать на камень, чтобы его видели: он и без того был на голову выше всех.

– Вот, – проговорил он горестно, но в голосе его звучала

стальная твердость, — это первое и последнее письмо турка, которое прочтено в нашей крепости. Вы уже поняли, для чего турок идет. Огнем и мечом несет он нам «свободу». Басурманский падишах, купающийся в крови христиан, несет нам свою «свободу»! А если мы от нее откажемся, так он нам головы отрубит! От нас требуют ответ. Так вот он!

Скомкав письмо, Добо швырнул его в лицо крестьянину:

— Как ты посмел принести это, подлец?

И, обернувшись к солдатам, приказал:

— Заковать ему ноги! В темницу негодяя!

4

После взволновавшего всех чтения турецкого письма Добо вызвал офицеров во дворец:

— Через полчаса всем быть у меня.

Зал наполнился народом еще до назначенного срока. Позже пришли лишь те, кто переодевался в парадную одежду. Каждый почувствовал, что пробил первый удар набата.

Добо поджидал только товарищей Бакочаи и лейтенанта Лукача Надя с его двадцатью четырьмя конными ратниками. Уж не попали ли они в полон к туркам? Это было бы предскверным известием. Народ пал бы духом.

Скрестив руки, комендант стоял возле окна и рассеянно смотрел на раскинувшийся внизу город. Какие красивые белые дома! А город пуст. Только под самым дворцом, у реки,

снует народ: солдаты поят лошадей, водоносы таскают воду. А вот какая-то женщина в желтом платке выходит из ворот. Идет с двумя детишками, спешит к крепости. На спине тащит узел.

– И эта в крепость идет... – пробурчал Добо с неудовольствием.

Рядом с Добо стоял оруженосец в голубом бархатном доломане. По длинным, спадавшим до плеч волосам и нежному лицу его можно было принять за девушку, переодевшуюся в мужской костюм. Но руки оруженосца говорили о другом – в них чувствовалась сила: юноша каждый день метал копья.

Добо обернулся, ласково провел рукой по волосам оруженосца:

– О чем размышлялся, Криштоф? Может, домой захотелось?

Мальчик заморгал глазами:

– Господин капитан, мне стыдно было бы и думать об этом!

– Вот и хорошо! А волосы ты все-таки обрежь себе. В крепости оставили только этого оруженосца. Да и то лишь потому, что его отец письменно попросил капитана не посылать мальчика домой, ибо мачеха недолюбливает его. Добо считал Криштофа своим сыном.

Всех остальных оруженосцев, юношей лет четырнадцати – шестнадцати, он отправил по домам. Для них крепость Эгер была школой витязей. Но Добо пока не желал пускать их в

дело.

Был у него еще один любимый оруженосец – Балаж Балог, сын лейтенанта, служившего в войске монаха Дёрдя и убитого в прошлом году. Балаж был даже на год моложе Криштофа, но превосходно ездил верхом. Со слезами уехал он в августе. Как ему было обидно, что Криштофу разрешили остаться в крепости, а ему нет!

«Выкинули, точно негодного ученика сапожника! – гонял он. – Чем ты лучше меня? – сердито спрашивал он Криштофа. – Почему тебе разрешили остаться? погоди, вот вернусь – и тогда мы с тобой поломаем копьё!»

«Неужели ты думаешь, что это я тебя отсылаю отсюда?» – отвечал расстроенный Криштоф.

И он умолял Добо:

«Господин капитан, позвольте Балажу остаться!»

Добо замахал рукой:

«Ему нельзя. Он единственный сын вдовы. Ему даже на деревьях не позволяют лазить. Убирайся!»

Балажа взял с собой Лукач Надь с намерением по дороге доставить его к матери.

– Ох, где же запропастился этот Лукач? – Добо взглянул на Мекчеи. – Боюсь, не случилась ли с ним беда.

И он озабоченно покачал головой.

– Не думаю, – сказал с улыбкой Мекчеи. – За коротышек я не боюсь. У меня есть на то своя примета: коротышкам везет в бою.

– Как раз наоборот! – весело возразил Гергей. – Коротышка никогда так уверенно не сидит на коне, как долговязый. Коротышку конь несет, а долговязый сам несет коня.

– Ты говоришь так потому, что сам долговязый.

Придверник доложил, что пришли разведчики.

Добо принял серьезный вид.

В зал вошли семь солдат в желтых сапогах со шпорами. Они встали посреди зала и щелкнули каблуками. У двоих волосы были еще мокрые – видно, парни старательно умывались. Один из них вышел вперед:

– Господин капитан, честь имею доложить: неприятель под Абонем.

– Знаю, – ответил Добо. – Первый турок уже здесь. Его привез Бакочаи.

Это было сказано с укоризной. Солдат, носивший красно-синие цвета города, перевел дух и сказал:

– Господин капитан, я мог бы хоть троих привезти!

– А почему же не привез?

– Да я всем троим раскрыл башку!

В зале развеселились. Из семи солдат у четверых были перевязки. Улыбнулся и Добо.

– Вот что, Комлоши, вот что, сын мой, – сказал он, – здесь беда не в турецких, а в ваших башках. Ваша обязанность была не драться, а привезти донесение. Привез же донесение солдат господина лейтенанта Борнемиссы! А вы сочли первым долгом умыться, причесаться, сменить рубахи и подкру-

тить длинные усы. Какой же ты солдат, Антал Комлоши?

Комлоши приуныл, сознавая, что Добо прав. Однако вскинул голову и воскликнул:

– Вы еще посмóтрите, господин капитан, какой я солдат!

Должны были явиться еще двое, но они отстали. Обоих схватили турки, и теперь, вероятно, оба отдавали рапорт на том свете.

Добо назначил новый разъезд, приказав разведчикам не вступать в стычку с неприятелем, а только каждый час сообщать караульному офицеру, где находятся турки. Потом он отпустил солдат и сел за стол.

К этому времени в зале собрались все лейтенанты ополченцев, все гарнизонные офицеры. Пришло и пять немцев – сержантов-пушкарей. Тут же стояли священник и старик Цецеи. Собравшиеся тихо беседовали меж собой. Кое-кто разглядывал картины. На одной стене висел портрет архиепископа Миклоша Ола, который стоял, держа в руке молитвенник, и, наморщив лоб, искоса смотрел на всех круглыми совиными глазами. За спиной его была изображена Эгерская крепость тех времен, когда у нее имелась еще только одна башня.

На теневой стороне зала – потемневший от времени портрет короля Яноша, где желтым пятном выделялась только его борода. Третий портрет совсем почернел – можно было смутно различить только нос, одну половину лица и имя: Перени.

– Друзья мои, – прервал наконец Добо торжественную тишину, – вы сами слышали: нагрянуло то, чего мы ждали уже много лет...

Голос его звучал, как колокол. На мгновение Добо замолк – быть может, утаил какую-то неприятную мысль. Но, отогнав ее, он продолжал обычным своим тоном:

– Мой товарищ, капитан Мекчеи, только что передал мне полный список всех сил крепости. Хотя вы в общем и знакомы с ним, я считаю необходимым прочесть его. Прослушайте и запомните... Гергей, прошу тебя, братец.

Он протянул бумагу Гергею, который быстрее и легче, чем дядя Шукан, справлялся с таким трудным делом. Гергей охотно принялся читать вслух:

– «Состояние Эгерской крепости на девятое сентября тысяча пятьсот пятьдесят второго года...»

– То есть к нынешнему дню, – добавил Добо.

– «В крепости двести конных солдат и столько же пеших – это гарнизонные войска; стрелков из Эгера и его окрестностей – восемьсот семьдесят пять. Его превосходительство господин Ференц Перени отрядил двадцать пять человек, господин Дёрдь Шереди – двести человек...»

Мекчеи замотал головой и сказал:

– Солдат Шереди осталось не больше пятидесяти. – И он взглянул на лейтенанта с костлявым лицом и хитрыми глазами.

– Я не виноват! – вскипел лейтенант. – Я, как видите,

здесь! – И он звякнул саблей.

Добо заметил примирительно:

– Дружище Хегедюш, кто ж говорит о тебе! Даже у Хуняди бывали никудышные солдаты.

Гергей продолжал читать:

– «Да из города Кашши пришло двести десять ополченцев...» Вот видите, – он бросил взгляд на Хегедюша, – в Кашше тоже есть храбрецы! – И продолжал: – «Монастырь безмолвствующих монахов прислал четырех солдат, эгерский капитул – девять...»

– Девять? – сердито переспросил Тамаш Бойки, лейтенант боршодских стрелков. – Да ведь у них больше сотни солдат!

– Они даже за деньги не дали, – коротко заметил Добо.

Фюгеди, лейтенант капитула, встал. Но Добо движением руки приказал ему сесть.

– Прошу тебя, братец, в другой раз. Ни один черт не затрагивает твой капитул. Город Эгер входит в Хевешский комитат, а крепость – в Боршодский. За речкой – Хевеш, а по эту сторону речки – Боршод... Продолжай, братец Гергей, только живей и короче.

Гергей забормотал быстро, как пономарь. Список воинов оказался длинным. Шарош, Гёмёр, Сепеш, Унг, вольные города – все послали по небольшому отряду. Ясайский благочинный один прислал сорок человек. Встретили их, что и говорить, восторженно.

Наконец Гергей снова повысил голос:

– Итак, у нас всего тысяча девятьсот человек.

Добо окинул взглядом всех сидевших за столом и, остановив глаза на Хегедюше, лейтенанте ополченцев, прибывших из Кашши, сказал:

– Мы можем прибавить сюда еще тех, кого я призвал на службу в крепость: тринадцать цирюльников, восемь мясников, трех слесарей, четырех кузнецов, пятерых плотников, девять мельников и тридцать четыре крестьянина, которые будут помогать пушкарям. Когда пойдут на нас приступом, все они могут взяться за оружие. Можно рассчитывать еще на Лукача Надя, которого в день усекновения главы Иоанна Предтечи я отправил с двадцатью четыремя конными солдатами под Солнок. Они могут вернуться в любой час, – сказал он, обратив взгляд на Мекчеи. И продолжал: – У нас и так изрядно набирается людей, но главную подмогу я жду от его величества короля.

Старик Цецеи сердито крикнул и махнул рукой.

– Ну, ну, батенька! – Добо взглянул на него. – Сейчас не то, что прежде. Король прекрасно понимает, что если Эгер падет, ему остается только спрятать в чулан священную корону.

– И тогда Венгрии больше не будет, – мрачно добавил Мекчеи, стоявший рядом с Добо.

– Зато Австрия будет, – проворчал старик Цецеи.

– Король отрядил два больших войска, – продолжал Добо, – пятьдесят – шестьдесят, а то и сто тысяч сытых до от-

вала и хорошо оплаченных солдат. Одно войско ведет саксонский герцог Мориц, второе – герцог Микша. Король на-верняка накажет им не терять времени и поторапливаться. Теперь трубачи этих войск трубят только одно: «В Эгер!»

– Это еще бабушка надвое сказала!.. – пробурчал Цецеи.

– Я говорю то, что есть, – оборвал Добо, – и попрошу твою милость не перебивать меня. Мой посол Миклош Ваш снова отправился в Вену и если не встретит по дороге королевскую рать, то отвезет королю донесение о нашествии турок.

Добо повернулся к Гергею:

– После собрания немедленно напиши прошение его величеству и приложи к нему письмо турок. Напиши так, чтобы даже скалы растрогались и перекатились к нам в Эгер.

– Напишу, – ответил Гергей.

– У нас нет никаких оснований с тяжелым сердцем ждать турок. Стены крепки, пороху и припасов вдоволь. В крепости четыре тысячи овец, полученных только по сбору десятины. Бóльшую часть их уже закоптили. Рогатого скота четыреста пятьдесят шесть голов. Большую часть тоже закоптили. Зерна восемьсот тридцать пять мер, по шестидесяти фунтов мера, – почти всё перемололи на муку. Всего, всего у нас вдосталь – можем хоть год продержаться! И если король пришлет только свои эрдейские войска, все равно мы в кратчайший срок отправим турок из-под Эгера к Мохамеду... Приступай к чтению второго списка, – обратился он к Гергею.

Гергей читал:

– «Больших бомбард – одна, других бомбард – две: Лягушка и Баба. Король прислал три пушки, Габор Перени – четыре, Бенедек Шереди – одну...»

– Порох мы не взвесили, но его и не взвесишь, – перебил Добо. – Осталось и с прошлого года, да и король прислал. Вся ризница заставлена бочками с порохом. Кроме того, у нас есть и селитра и мельница. Если понадобится, сами можем молоть порох... Продолжай.

Гергей читал:

– «Старых медных гаубиц стенобитных – пять. Чугунных стенобитных гаубиц – пять. Медных стенобитных пушек, присланных его величеством, – четыре. Картечниц для стенобитных орудий и пищалей – двадцать пять. Двойных пражских пищалей – две. Многоствольных пушек – пять...»

– Нам есть чем ответить турку! Но это еще не всё... Читай дальше.

– «Пражских и четнекских медных и чугунных пищалей – триста. Ружей – девяносто три. Немецких ружей – сто девяносто четыре...»

– Куда они годятся! – завопил Цецеи. – Хорошая стрела во сто раз лучше любого ружья!

Тут возник небольшой спор: старики соглашались с Цецеи, молодежь стояла за ружья.

Добо прекратил словопрения, заявив, что и ружья хороши и стрелы хороши, а лучше всего – пушки.

Оруженосец Криштоф положил на стол позолоченный шлем искусной работы и маленькое распятие, затем молча встал за спиной Добо, держа в руке длинный плащ, похожий на мантию.

Гергей прочел еще список, где были перечислены все виды оружия: копья, дротики, щиты, различные ядра, кирки, багры, булавы, фитили, пики и разное другое военное снаряжение, имевшееся в крепости.

Добо поднялся.

Он надел на голову позолоченный шлем, накинул на плечи красную бархатную капитанскую мантию и, держа левую руку на рукоятке сабли, произнес:

– Дорогие друзья и соратники! Стены крепости вы сами видели, а теперь вы знаете, чем мы располагаем внутри стен. Крепость Эгер решит судьбу тех земель отчизны нашей, которые еще не захватил враг.

В зале стояла тишина. Глаза всех были прикованы к Добо.

– Если падет Эгер, не уцелеют ни Мишкольц, ни Кашша. Маленькие крепости турок сшибет, точно орешки с дерева. Сопrotивления он нигде больше не встретит. И тогда история запишет Венгрию в книгу мертвых.

Добо обвел всех суровым взглядом и продолжал:

– Эгерская твердыня крепка, но пример Солнока доказывает, что крепостям силу придают не каменные стены, а души защитников. В Солноке были чужеземные наймиты, и шли они не крепость защищать, а деньги добывать. У нас

только пять немцев-пушкарей, да и они честные люди. Тут все защищают отчизну. Кровь понадобится – кровь свою прольют. Жизнь понадобится – жизнь отдадут. Но потомки наши не скажут, что венгерцы, жившие здесь в тысяча пятьсот пятьдесят втором году, недостойны называться венгерцами...

Солнце заглянуло в окно и осветило висевшее на стенах оружие и латы, стоявшие на шестах вдоль стен. Заблестел и позолоченный шлем Иштвана Добо. Гергей стоял рядом с капитаном. Он взглянул в окно, потом приставил козырьком руку к глазам и посмотрел на Добо.

– Я созвал всех вас для того, – продолжал Добо, – чтобы каждый мог отдать себе отчет в том, что его ждет. Для тех, кому собственная шкура дороже будущности венгерского народа, ворота крепости еще открыты. Мне нужны настоящие мужчины. Десять львов лучше полчища зайцев. Надвигается ураган. У кого дрожат поджилки – пусть покинет зал прежде, чем я продолжу свою речь, ибо мы должны дать великую клятву, и кто нарушит ее, не посмеет даже после смерти предстать пред очами Господа Бога.

Он подождал, не тронется ли кто-нибудь с места.

В зале царил тишина. Никто не шелохнулся.

Подле распятия стояли две восковые свечи. Оруженосец зажег их.

Добо продолжал свою речь:

– Мы должны поклясться друг другу священным именем

Бога в том, что... – И, взяв со стола листок бумаги, он начал читать: – «Во-первых: какое бы ни пришло послание от турок, мы его не примем, а тут же при всем честном народе сожжем непрочитанным...»

– Да будет так! – послышалось в зале. – Согласны!

– «Во-вторых: когда турки овладеют городом и подойдут к стенам крепости, никто не крикнет им ни худого, ни доброго слова, что бы они нам ни орали...»

– Согласны!

– «В-третьих: с самого начала осады никто не будет ни шептаться, ни собираться кучками по двое и по трое...»

– Согласны!

– «В-четвертых: сержанты не будут распоряжаться отрядами без ведома лейтенантов, а лейтенанты – без ведома обоих капитанов...»

– Согласны!

Рядом с Фюгеди зазвучал грубый голос:

– Мне хотелось бы кое-что добавить.

Это заговорил Хегедюш – лейтенант Шереди. Лицо его покраснелось.

– Слушаем! – раздались голоса за столом.

– Я предлагаю, чтобы и капитаны всегда действовали в согласии с лейтенантами и созывали совет, если в вопросах обороны или других важных делах это потребует кто-нибудь из лейтенантов.

– Согласен, но только не во время штурма, – сказал Добо.

– Согласны! – прогудели остальные.

Добо продолжал:

– «И последнее: тот, кто выскажет желание сдать крепость или хотя бы заговорит о сдаче крепости в вопросительной или какой-либо иной другой форме, будет предан смерти...»

– Смерть ему! – крикнули участники военного совета.

– Не сдадим крепость, мы не наемники! Мы не солнокцы! – слышалось отовсюду.

Добо снял позолоченный шлем, пригладил длинные седующие волосы, потом подал знак священнику.

Отец Балинт встал. Поднял со стола маленькое серебряное распятие.

– Клянитесь вместе со мной, – сказал Добо.

Все протянули к распятию руки, подняв их для клятвы.

– Клянусь единым живым Богом...

– Клянусь единым живым Богом... – слышалось торжественное бормотание.

– ...что отдам свою кровь и жизнь свою за отечество, за короля и за Эгерскую крепость. Ни силой, ни кознями меня не утратить. Ни деньгами, ни посулами не поколебать. Не скажу и не выслушаю ни единого слова о сдаче крепости. Ни в крепости, ни за пределами ее живым не сдамся. От начала до конца осады беспрекословно буду подчиняться приказам вышестоящих. Да поможет мне Бог!

– Да поможет мне Бог! – гудели голоса.

– А теперь я сам присягну, – громко сказал Добо, протяги-

вая руку к распятию. Глаза его лихорадочно блестели. – Клянусь отдать все свои силы, все помыслы, каждую каплю крови защите крепости и отчизны! Клянусь быть вместе с вами во всех опасностях! Клянусь не допустить перехода крепости в руки басурман! Покуда я жив, не сдамся сам и не сдам крепости. Да примет земля мое тело, а небо душу мою! Пусть Предвечный отринет меня, если я не сдержу своей клятвы!

Сверкнули сабли, и раздались единодушные возгласы:

– Клянемся! Клянемся! Клянемся вместе с тобой!

Добо снова надел шлем и сел.

– А теперь, братья, – сказал он, взяв в руки лист бумаги, – обсудим, как расставить сторожевые посты в крепости. Расстановка ратников на крепостных стенах вовсе не должна быть одинаковой. Со стороны города и Новой башни – низменность и долины. С севера и востока – холмы и горы. Вражеские пушки будут наверняка стоять именно там, с той стороны; турки будут ломать стену, чтобы ворваться в крепость.

– Никогда им не проломить стену! – сказал Цецеи, презрительно махнув рукой.

– Подождите! – заметил Добо и продолжал: – Я для того и вызвал в крепость побольше плотников и каменщиков, чтобы они успевали восстановить за ночь то, что проломит турок. Так вот, на той стороне и работы будет больше всего. Если мы сейчас и расставим людей, то во время осады многое может измениться.

– Приказывайте, господин капитан, мы согласны! – кри-

чали с разных сторон.

– Я думаю сделать так: разделим защиту на четыре отряда. Один отряд будет стоять у главных ворот, другой – от главных ворот до угловой башни, третий – в наружных укреплениях, четвертый – на северной стороне вокруг Казематной башни. Соответственно этим четырем отрядам разделится резерв. Резервом будет командовать мой помощник, капитан Мекчеи. Он будет распоряжаться сменой солдат и защитой внутренних укреплений.

– А что же будет со стеной, прилегающей к городу? – спросил Хегедюш.

– Туда мы поставим только небольшие силы. Достаточно, если у ворот будет стоять двадцать человек. Воротца там тесные, и враг не станет даже пытаться их штурмовать.

Добо поднял другой листок бумаги.

– Солдат я распределил примерно так. От Старых, то есть главных, ворот до Новой башни будет стоять сто солдат. У Казематной башни – сто сорок, а вместе с офицером – сто сорок один. У Шандоровской башни, не считая ворот, – сто двадцать. Оттуда по направлению к воротам – сто пять...

– Всего четыреста шестьдесят шесть человек, – сказал Гергей.

– На двух вышках церкви – по десяти солдат. Вот и вся защита внутренних укреплений.

– Четыреста восемьдесят шесть человек, – подсчитал вслух Гергей.

Добо продолжал:

– Далее следуют наружные укрепления. От башни Чаби до башни Бебека – девяносто человек. Оттуда до угловой башни – сто тридцать. От Старых ворот до угла – пятьдесят восемь. Там есть еще узкая каменная стена, которая связывает наружные укрепления с внутренними. Здесь придется больше действовать глазами, чем оружием. Сюда достаточно тридцати пяти солдат. – Кинув взгляд на Мекчеи, он продолжал: – Тут мы поставим слабосильных, а в дни штурмов – даже легкораненых.

– Восемьсот без одного, – заключил Гергей.

– Как же мы распределим офицеров? Начну с себя: я желаю быть повсюду.

Восторженное одобрение.

– Задача моего товарища Мекчеи уже известна. Из четырех старших лейтенантов один должен быть у Старых ворот. Там нужны сила и несокрушимый дух. Можно предвидеть заранее, что турок попробует ворваться в крепость именно через эти ворота. Там придется все время смотреть в глаза смерти.

Гашпар Петё встал и, ударив себя в грудь, крикнул:

– Прошу назначить туда меня!

Возгласы одобрения заглушили ответ. Видно было только, как Добо утвердительно кивнул головой. Старик Цецеи протянул Гашпару Петё свою единственную руку.

– Дальше следуют наружные укрепления, – продолжал До-

бо. – Это самое опасное место. Турок будет пытаться засыпать ров. Там от старших офицеров тоже потребуются отвага, любовь к отчизне и презрение к смерти.

Кроме Петё, оставалось еще три старших офицера. Все трое вскочили.

– В вашем распоряжении! – сказал Борнемисса.

– В вашем распоряжении! – сказал Фюгеди.

– В вашем распоряжении! – сказал Золтаи.

– Чтобы вы не поссорились, – с улыбкой сказал Добо, – все трое будете там.

Пушкари-сержанты были распределены уже заранее. Однако Добо хотел назначить и главного пушкаря. Но кого?

Никто, кроме него самого, не был знатоком в этом деле. И Добо взял это на себя.

Новое громовое «ура» потрясло стены зала. А так как все поглядывали при этом на пушкарей, то они с беспокойством спрашивали:

– Was ist das? Was sagt er?¹²

Борнемисса обернулся к пятерке немцев и дал им такое объяснение:

– Meine Herrn! Kapitan Dobo wird sein der haupt bum-bum! Ferstanden?¹³

После этого Добо приказал трубачам трубить сбор. На крепостной площади он повторил солдатам пять пунктов

¹² Что такое? Что он сказал?

¹³ Господа! Капитан Добо будет главным бум-бумом! Поняли?

присяги, принесенной в зале. Сказал, что те, кто испытывает страх, пусть лучше сейчас же положат сабли, чтобы позднее не заражать слабостью других. Ибо, сказал он, страх заразителен, как чума. Даже еще заразительнее. Он вмиг перескакивает от одного к другому. А в предстоящие тяжелые дни здесь нужны люди, сильные духом.

Потом он развернул красно-синий стяг крепости и поставил его вместе с национальным флагом.

– Поклянитесь!

В тот же миг ударил соборный колокол.

Ударил только один раз.

Все устремили взгляд на город. Удар колокола прозвучал как короткий, оборвавшийся вопль о помощи. В крепости, в городе и в окрестностях воцарилась настороженная тишина.

5

Вечером Добо пригласил к себе в гости всех, кто утром присягал в зале.

На одном конце стола сидел Добо, на другом – Мекчеи. Справа от Добо – отец Балинт, слева – Цецеи. Возле священника – Гашпар Петё, грубоватый, отчаянный малый с длинными навощенными, колючими усами. Петё по праву отвели почетное место, ибо его старший брат, Янош, был знатным придворным, – главным виночерпием короля. Янош Петё и устроил Гашпара в крепость, он же послал из Вены по-

рох и пять сержантов-пушкарей. Остальные сидели по обе стороны от Мекчеи и Добо, в зависимости от возраста и чина. Стройный белокурый Золтаи; глаза у него такие, словно он целится копьем, но губы при этом улыбаются. Борнемисса, а рядом с ним – коренастый Фюгеди с лихим чубом. Затем Фаркаш Корон – лейтенант абауйских пеших солдат, черноволосый молодец с крутым подбородком. Балинт Кенди и Иштван Хегедюш – лейтенанты, приведшие с собой пятьдесят солдат Дёрдя Шереди. Румяный молодцеватый Лёринц Фекете, которому кто-то безбожно обкорнал его рано поседевшие волосы; он привел с собой из Регеца пятнадцать солдат. Рослый, широкоплечий Михай Лёкёш с детским взглядом; его прислали во главе сотни солдат вольные города. Пал Надь – лейтенант отряда в тридцать солдат, присланного Дёрдем Батори, отважный богатырь, сильный, как бык. Мартон Ясаи – лейтенант, которого ясайский протоиерей направил в Эгер с сорока солдатами; он причесывал длинные свои волосы на прямой пробор и напоминал смиренного, тихого писца. Сепешский лейтенант Мартон Сенци – толстяк с короткой шеей и сердитыми бычьими глазами, одетый в синий ментик. Сенци привел с собой сорок пеших солдат. Превосходный стрелок Михай Бор с русыми жидкими усами и мечтательным лицом. Казалось, что в гербе его должны быть луна и часы с музыкальным боем. Его прислал Шарошский комитат во главе семидесяти шести пеших солдат. Из Угочи приехал Дёрдь Салачки – толстоногий дядя с

двойным подбородком и строгим взглядом, и Имре Надь – милый, любезный молодой человек, смотревший на всех с почтением; его отрядила вдова Габора Хомоннай, приславшая восемнадцать пеших солдат. Из Эперьеша прибыл Антал Блашко – русобородый силач с курчавой бородой и пронзительным взглядом; он был в синем ментике, на боку у него болталась тяжелая, большая сабля.

Все названные были лейтенантами ополчения. За ними по порядку сидели: Иов Пакши – самый рослый офицер королевских войск, Тамаш Бойки – лейтенант, командующий пятьюдесятью боршодскими стрелками, седовласый, седобородый, но моложавый и живой человек. Два эти лейтенанта прибыли позже, так что их посадили среди офицеров гарнизона: старика казначея Яноша Шукана; дьяка Имре, который ведал винным погребом; дьяка Михая – офицера-интенданта, или, как называли тогда, раздатчика хлеба; дьяка Матяша Дёндёши – архиепископского писаря (крепость входила во владения архиепископа); дьяка Деака Болдижара и еще других.

Чтобы выказать уважение всем защитникам крепости, Добо пригласил не только офицеров, но и одного младшего сержанта, одного рядового, одного эгерского дворянина и одного эгерского крестьянина.

Кушанья разносили пять слуг Добо; в помощь им старшие офицеры прислали и своих слуг.

За спиной Добо стоял оруженосец Криштоф Тарьяни; он

прислуживал своему господину, ставил перед ним кушанья, наливал в кубок вино.

Была пятница, так что ужин начали со щуки под хреном и судака, зажаренного в сухарях. Затем подали сома и стерлядь. Закончили трапезу лапшой с творогом и сметаной, потом подали компот из сушеных фруктов с корицей. На столе были также сыр, виноград, яблоки, груши, дыни – всё в изобилии.

Почему же бережливый Добо решил задать такой ужин? Хотел ли он завершить пиром собрание, на котором принесли клятву, или решил сдружить незнакомых между собой офицеров? А может быть, он желал послушать их откровенные речи, когда вино развяжет языки?

Поначалу настроение было торжественное, как в церкви. Каждый еще переживал величественную минуту клятвы. Белоснежные скатерти, столовое серебро с гербом Добо, резной бочонок, висевший на цепи над столом, букеты осенних цветов – все это усугубляло торжественность обстановки.

Сердца людей не согрелись даже тогда, когда после щуки в кубки полилось из прекрасного бочонка вино гранатового цвета. После величавой речи Добо у всех сердца еще были охвачены трепетом волнения. Так в долгой звенящей тишине задумчиво прислушиваемся мы к отзвуку умолкшего колокола.

Поели жареной рыбы. Слуги переменили тарелки. Все ждали, что Добо будет приветствовать гостей. Но Добо сидел

в своем коричневом кожаном кресле усталый, молчаливый. Быть может, он думал о том, что это не именины, не свадьба, что теперь, после присяги, он – комендант крепости и сидит за ужином со своими офицерами.

И все-таки гости ждали, не скажет ли он что-нибудь.

Вдруг в тишину ворвалась веселая песня поварих:

Около колодца весело живетсЯ,
С милым я встречаюсь около колодца.
Лошадь напоит он, ко мне обернется,
Прямо в алу щеку поцелуй придется.

И туч как не бывало. Небо прояснилось. Разве можно мужчинам быть мрачными, если женщины песней встречают надвигающуюся грозу!

Мекчеи поднял стоявший перед ним серебряный кубок и встал.

– Уважаемые друзья! – начал он. – Наступают великие дни. Даже сам Господь Бог сидит сейчас у небесного оконца, смотрит на Эгер и думает: как-то управятся две тысячи человек с двумястами тысяч? И все-таки я не унываю. Среди нас нет ни одного труса. Слышите, женщины и те поют. Но если б и закралась в чье-либо сердце боязнь, среди нас есть два человека, рядом с которыми даже слепые и увечные не могут пасть духом. Я знаю обоих с ранней юности. Одного из них сам Господь сотворил для того, чтобы он служил образцом венгерской доблести. В нем стальная сила, он точно зо-

лотая сабля, воплощение твердости и благородства. Второй, с которым я знаком тоже с юности, – образец ума, отваги, присутствия духа и находчивости. Там, где эти люди, – каждый ощущает в себе прилив силы, бодрости, сметливости, мужества и веры в венгерский ум. С ними не страшна никакая опасность. От души желаю, чтобы вы так же близко, как я, узнали нашего капитана Иштвана Добо и старшего лейтенанта Гергея Борнемиссу.

Добо встал, чокнулся со всеми и начал свою речь:

– Родные мои, кровные! Будь я пуглив, как олень, которого приводит в трепет тявканье любой своры псов, я все же не пустился бы наутек, а вступил бы в бой, раз речь идет о судьбе моей родины. Пример Юришича¹⁴ доказывает, что самая жалкая крепость может стать могучей твердыней, если ее обороняют настоящие мужчины. Наша крепость сильнее Кёсега, и мы тоже должны быть сильнее ее защитников. Я знаю турецкие войска. У меня еще едва пробивались усы, когда я стоял на Мохачском поле. Я видел дикую рать Сулеймана. Поверьте мне, двадцать восемь тысяч венгерцев сокрушили бы стотысячный сброд, будь среди венгерцев хогь один человек, который умел бы вести сражение. Там никто не командовал, никто не руководил боем. Полки разворачивались не в соответствии с тем, как стоял неприятель, а как попало.

¹⁴ *Юришич* Миклош – комендант Кёсегской крепости; в 1532 году вместе со своими солдатами (семьсот человек) отважно защищал крепость Кёсег от более чем стотысячной турецкой армии.

Бедняга Томори¹⁵ – вечная память ему! – был великий герой, но не годился в полководцы. Он думал, что вся полководческая наука заключена в словах: «За мной!» Он читал молитву, потом отпускал крепкое словцо, кричал: «За мной!» – и наша рать вихрем врезалась в гущу турецких войск. Турки разбегались, как стая гусей. А мы, обуянные пылом достойных наших предков, очертя голову мчались на лихих скакунах навстречу пушкам. И, конечно, пушки да цепные ядра делали то, что не под силу было человеку. Из двадцати восьми тысяч нас уцелело четыре тысячи. Из этого страшного бедствия можно было извлечь два великих урока. Первый – что турецкая рать вовсе не войско витязей, а сборище разношерстного отребья. Турки собирают пропасть разного народу и животных, чтобы устрасить глупцов несметной своей ордой. Второй урок: как бы мало ни было венгерцев, они могут расстроить большую турецкую рать и даже одолеть ее, если щитом им послужит не только отвага, но и разум.

Сидевшие за столом слушали коменданта, напряженно сдвинув брови.

Добо продолжал:

– В нашем положении разум предписывает: держись стойко до прибытия королевских войск. Турки будут палить по крепости, рушить ее, может быть им удастся даже проломить стены, которые до поры до времени защищают нас. Вот то-

¹⁵ *Томори* Пал – епископ и полководец, возглавлявший венгерское войско в битве при Мохаче.

гда-то и должны мы выступить сами и защищать стены, так же как они защищали нас. Пусть неприятель, карабкаясь на стены, у каждой бреши натолкнется на нас. Мы никогда не позволим выхватить из наших рук судьбу венгерцев!

– Никогда! Нет, нет, не позволим! – закричали все, вскочив с мест.

– Спасибо, что вы пришли в Эгер, – продолжал Добо. – Спасибо, что вы принесли свои сабли и сердца для защиты отечества. Во мне окрепло чувство, что Господь простер свою длань над Эгерской крепостью и говорит орде басурман: «Дальше ни шагу!» Пусть это чувство воодушевляет и вас, и тогда я буду твердо уверен, что мы за этим столом весело отпразднуем торжество победы.

– Да будет так! – закричали офицеры и чокнулись серебряными и оловянными кубками.

Вслед за Добо встал Петё. Движения его, как всегда, были порывисты. Он поднялся, улыбнувшись, заглянул в свой кубок, потом лицо его посуровело.

Оглянулся Петё налево, направо и, подкрутив усы, заговорил:

– Наш капитан Мекчеи верит в Добо и Борнемиссу. Добо и Борнемисса верят в нас и в стены твердыни. Теперь я скажу, во что я верю.

– Слушаем, слушаем!

– Нынче в числе прочих крепостей пали две могучие твердыни: Темешвар и Солнок...

– И Веспрем.

– В Веспреме не было людей. А почему пали эти две могучие крепости? Пройдут годы, и люди, наверно, скажут: пали они потому, что турок был сильнее. А это не так. Они пали потому, что Темешвар защищали испанские наемники и Солнок тоже защищали наемники – испанцы, чехи и немцы. Теперь позвольте сказать, во что верю я. Я верю в то, что Эгер не будет оборонять ни испанское, ни немецкое, ни чешское войско. Не считая пяти пушкарей, у нас все – венгерцы, да еще большинство – эгерчане. Это львы, защищающие свое логово. Я верю в венгерцев!

Лица у всех покраснелись, все подняли кубки. Петё мог бы уже и закончить свою речь, но он продолжал с жаром народного трибуна:

– А венгерец как кремень: чем больше его бьют, тем больше искр высекают. Так неужто же две тысячи молодцов, родившихся от венгерских матерей и отцов, выросших на коне да венгерском зерне, пивших густую бычью кровь¹⁶ из подвалов эгерских святых отцов, – неужто они не справятся с рванью-дрянью, водохлебами, чубастыми прощелыгами?

Слова его заглушили крики, бряцанье сабель и смех, но Гашпар Петё еще разок подкрутил усы, покосившись куда-то в сторону, и закончил так:

– До сих пор Эгер был просто славным городком, городом хевешских и боршодских венгерцев. Дай бог, чтобы впредь

¹⁶ Сорт эгерского вина.

он стал городом венгерской славы! Басурманской кровью напишем мы на стене; «Не тронь венгерца!», чтобы по прошествии веков, когда настанет вечный мир и на руинах крепости будет зеленеть мох, сын будущих столетий, сняв шляпу, гордо сказал: «Здесь сражались наши отцы – да будет благословен их прах!»

Поднялся шум, все бросились целовать оратора. И Петё уже не мог продолжать свою речь. Да ему и не хотелось больше говорить. Он сел и протянул руку лейтенанту боршодцев Тамашу Бойки.

– Тамаш, – сказал он, – там, где мы с тобой будем, туркам не поздоровится!

– И хорошо же ты сказал! – кивнул головой Тамаш. – Я хоть сейчас готов ринуться на целую сотню!

После Петё больше никто не был в силах произнести тост. Просили Гергея, но он, как ученый человек, не привык ораторствовать.

Каждый завязал беседу со своим соседом, и зал наполнился веселым гомоном.

Добо тоже оживился, чокался то с одним, то с другим соседом. Он протянул кубок Гергею, а когда священник пересел побеседовать с Петё, поманил Гергея рукою:

– Сын мой, сядь сюда.

И как только Гергей сел рядом с ним, Добо сказал:

– Я хочу потолковать с тобой о сыновьях Тёрёка. Я им тоже написал, да, как видишь, зря.

– Да, – ответил Гергей, поставив свой кубок, – думаю, что нам не дожидаться их. Янчи предпочитает биться с турком в чистом поле. А Фери не поедет так далеко, он не покинет Задунайщину.

– Правда, что Балинт Тёрёк умер?

– Да, умер, бедняга, несколько месяцев назад. Только смерть освободила его от оков.

– На много ли он пережил жену?

– На несколько лет. Жена его умерла, когда мы вернулись из Константинополя. Мы как раз к ее похоронам прибыли в Дебрецен.

– Хорошая была женщина, – сказал Добо, задумчиво кивая головой, и потянулся за кубком, будто желая помянуть покойницу.

– Да, таких не часто встретишь, – сказал Гергей, вздохнув, и тоже потянулся за чарой.

Они молча чокнулись. Быть может, оба думали, что добрая женщина видит с небесных высот, как они осушают чару в ее память.

– А Зрини? – спросил Добо. – Я написал и ему, чтобы приезжал в Эгер.

– Он приехал бы, да только уже несколько месяцев ходят слухи, будто боснийский паша готовится выступить в поход против него. В феврале я беседовал с дядей Миклошем в Чакторне. Он уже и тогда знал, что на Темешвар, Солнок и Эгер идет большая турецкая рать. Еще попросил, чтобы я

написал для него письмо королю.

— Не пойму, куда девался Лукач. Давно пора ему вернуть-ся. — Лицо Добо омрачилось. — Да и лазутчику Варшани тоже пора прибыть с донесением.

Перед дверями заиграли дудки и трубы:

Мишка-франт свалился в воду.

Панни ждет его у брода.

Казалось, будто всем влили новую кровь. По знаку Добо оруженосец впустил музыкантов: трех дударей и двух труба-чей. В числе их был и цыган. На голове его красовался боль-шой ржавый шлем с тремя петушиными перьями. У пояса на тесемочке висела сабля без ножен. К босым ногам были привязаны огромные шпоры. Усердно надувая щеки, трубил он на своем кларнете.

Все слушали с удовольствием. Когда песню повторили, кто-то из лейтенантов запел глубоким голосом:

Небо голубое, лес покрыт листвою.

Конь мой белоногий, дай вскочу в седло я.

Вновь пушу оружие в дело боевое,

Чтоб меня все турки поминали воя.

Лейтенант был статный парень с холеными усами. Усы торчали у него в разные стороны двумя стрелами. Даже сза-ди можно было его узнать.

– А кто этот лейтенант? – спросил Гергей, склонившись к Добо.

– Иов Пакши, младший брат капитана Комаромской крепости.

– Хорошо поет!

– И, должно быть, храбрый малый. Кто любит петь, тот и дерется храбро.

– А тот молодой человек, с огненным взглядом и закрученными усами?

– Пишта Будахази, офицер. Шесть конников привел с собой.

– Видно, что прирожденный воин. А тот подальше, с густой бородой, тянется сейчас за кубком?

– Беренц Бай, офицер. Пять конников привел. Тоже славный малый.

– А этот молодцеватый паренек с шелковым платком на шее, рядом с эгерским горожанином?

– Пишта Фекете, офицер. Шесть конников привел.

– Да, верно, ведь я же беседовал с ним.

Лейтенанту Пакши хотелось спеть и второй куплет песни, да слова вылетели из памяти. Дудари ждали, когда он начнет.

Вдруг кто-то крикнул:

– Да здравствует наш священник!

– Да здравствует старейший в нашем войске! – крикнул Золтаи.

Цецеи весело возразил:

– Может, прадед твой старейший, а я еще совсем не старей!

– Да здравствует самый молодой защитник крепости! – гаркнул Петё.

Тут уж и Криштоф Тарьяни взял в руки кубок и, зардевшись, чокнулся с гостями.

– Да здравствует тот турок, – крикнул Гергей, – которому мы первому вышибем зубы!

Все захохотали, и каждый чокнулся с соседом.

С места поднялся румяный эгерский дворянин. Он откинул с правого плеча синий плащ с большим воротником, разгладил усы в обе стороны, пригладил чуб и сказал;

– Да здравствует тот, кто первый сложит голову за Эгер!

Гордым и серьезным взглядом посмотрел он вокруг и, ни с кем не чокнувшись, осушил бокал до дна.

Вряд ли думал он, что пьет за самого себя.

Стрелки больших стоячих часов показывали одиннадцать. Вошел караульный и, остановившись в дверях, доложил:

– Господин капитан, турки уже в Макларе.

– Только передовые части, сын мой.

– Нет, побольше, господин капитан. Они лавой идут при лунном свете, а позади в поле видно множество шатров и огней.

– Ну, стало быть, завтра они будут здесь, – сказал Добо,

кивнув головой.

Он отпустил караульного, сказав, что до утра можно не являться с новыми донесениями, и встал. Это означало, что пора расходиться.

Мекчеи увлек в угол зала Гергея, Фюгеди, Петё и Золтаи. Он перекинулся с ними несколькими словами, затем поспешно подошел к Добо и, звякнув шпорами, сказал:

– Господин капитан, двести человек готовы выехать ночью.

– Куда это к лешему?

– В Маклар.

– В Маклар?

– Пожелать туркам спокойной ночи.

Добо весело пригладил левый ус и отошел к оконной нише, куда за ним последовал и Мекчеи.

– Что ж, ришта, не возражаю. Такая вылазка ободрит народ в крепости.

– И я подумал так же.

– Когда охота биться – и сабля здорово берет. Но тебя я не пущу.

Мекчеи огорчился.

Добо спокойно взглянул на него:

– Ты ведь точно бык – на любое дерево налетаешь. И, смотри, когда-нибудь сломишь рога. А тебе надобно голову беречь. Если моя голова упадет, пусть хоть твоя цела останется. Это я говорю только тебе. Борнемисса и остальные

могут ехать. Гергей осторожнее тебя – пусть он встряхнет хорошенько турецкие передовые отряды. Позови его сюда.

Гергей мигом очутился возле Добо.

– Что ж, Гергей, можешь ехать, – сказал Добо, – только возьми с собой не двести, а восемьдесят – девяносто человек. Хватит и этого. Вы ударите внезапно, вызовете смятение. И тотчас летите обратно. Да смотри, чтоб ни один не погиб!

Подошли и другие офицеры.

– Господин капитан, разрешите и мне.

– Всем ехать нельзя. Я поручаю это дело Борнемиссе. Пусть выберет троих. А тот, кого не возьмут, должен помнить о присяге: беспрекословное подчинение.

– Петё, Золтаи, Фюгеди! – перечислил тоном приказа Гергей.

Пишта Фекете взглянул на него с такой мольбой, что Гергей добился разрешения взять и его.

– Пиште Фекете я уже давеча обещал.

– Господин капитан, – умоляющим тоном произнес юный Тарьяни, – разрешите и мне поехать!

Добо снова пригладил усы.

– Ладно уж, так и быть. Только держись все время около господина лейтенанта Гергея! – И шутя добавил: – Смотри, если тебя убьют, не смей показываться мне на глаза! Это я говорю тебе заранее.

Гергей чуть не бегом бросился в казарму конных солдат. Трубить не стал. В широком коридоре выстрелил из пистолета.

Солдаты соскочили с постелей.

– Сюда, ко мне! – крикнул Гергей.

Он выбрал в свою сотню самых шустрых.

– Раз-два, одеться! И пока я трижды моргну, быть верхом с саблями у ворот. Ты беги к господину второму капитану и попроси у него человеколова. Захватишь с собой. И чтоб у каждого на луке было маленькое ружье.

В те времена так назывались пистолеты.

Гергей сбежал по лестнице и поспешил в конюшню. При красном свете фонаря, горевшего под одним из сводов, он увидел босого человека в желтом доломане и шлеме. Человек этот сидел на опрокинутой кадушке и, держа на коленях половину разрезанного арбуза, ел его ложкой.

Гергей крикнул ему:

– Шаркёзи!

– Что прикажете? – с готовностью откликнулся цыган.

– Поедем со мной. Коня себе раздобудешь, да еще какого распрекрасного!

Цыган положил арбуз на землю.

– Поеду. А куда?

– На турка! – весело ответил Гергей. – Они спят сейчас, и мы их врасплох захватим.

Цыган почесал в затылке, посмотрел на арбуз и снова сел на кадку.

– Нет, никак этого нельзя, – сказал он с важностью.

– Почему же нельзя?

– Я вместе с другими поклялся не покидать крепость.

– Да разве мы в этом клялись? Мы присягали защищать крепость!

– Может, другие в этом присягали, – ответил цыган, подняв плечи чуть не до ушей, – а я поклялся лучше сдохнуть, а из крепости не выходить. Видит бог!

Покачав головой, он положил арбуз на колени и вновь принялся за еду.

Вскоре Гергей вместе с Петё, Фюгеди и Золтаи уже скакал по макларской дороге.

Ночь стояла звездная.

Впереди них шагах в пятидесяти ехали лейтенант Пишта Фекете и солдат-эгерчанин Петер Бодогфальви – он показывал дорогу. За Мелегвизом свернули на луг. Мягкая земля заглушала конский топот. Всадники были похожи на сотню качающихся теней.

В андорнакском ивняке они заметили первый костер.

Петер остановился, за ним остальные.

Из облаков выплыл светлый серп месяца; в прозрачном

сумраке фигуры людей и деревья вырисовывались черными силуэтами.

Гергей подъехал к Бодогфальви.

– Слезай! Пробирайся крадучись, ползи по-змеиному. Ползком подберись к первому дозорному. Если с ним собака и она залает – так же тихо, ползком, неслышно вернись обратно. Нет собаки – подкрадись и заколи его, Потом осмотри все вокруг. Если не видать поблизости второго караульного, заверни в листик или в лопух щепотку пороху и брось в костер. Но тут же бросайся на землю, чтобы тебя не заметили.

– А как же мой конь?

– Коня привяжи вот к этому дереву. Когда вернемся, найдешь его здесь.

– А если еще кто-нибудь будет у костра?

– Тогда внимательно оглядись, заметь, кто, где и как лежит, где турок больше всего, и мигом возвращайся.

Добрых полчаса стояли они в ивняке на берегу речки. Гергей наставлял солдат:

– Пока турки бегут – бей, руби. Но чтобы никто не отдалялся от товарищей больше чем на сто шагов, не то отрежут от своих. Как услышишь трубу, сразу же поворачивай обратно и мчись домой. А куда трубы не слышно – гуляй, душа!

Солдаты стояли кружком, жадно ловили каждое слово.

Гергей продолжал:

– Турки напугаются и даже не подумают сопротивляться. А вы врубите в самую гущу и колотите их до тех пор, по-

ка не кинутся врассыпную. Запомните раз и навсегда: конный ратник должен рубить так проворно, чтобы противник не успевал отвечать. Удары должны сыпаться градом.

– Как молния блескучая, – добавил Петё.

Гергей умолк, прислушался к тому, что творится у турок.

Потом снова обернулся к солдатам и спросил:

– Где человеколов?

– Я здесь, господин лейтенант, – ответил из рядов веселый голос.

Вперед вышел рослый парень.

– Орудие у тебя?

– У меня, господин лейтенант. – Парень поднял кверху нечто вроде длинных загнутых вил.

– Умеешь с ним обращаться?

– Господин капитан научил.

– Ладно, схвати турка за шею и подомни собаку под себя.

Вот было бы славно, ребята, поймать старшего офицера! Он живет обычно в самом красивом шатре. И, уж наверно, спит в одном исподнем. Коли удастся, попытаемся поймать его.

Гергей снова насторожился, потом продолжал:

– Пленника надо связать, но только по рукам. Скрутите ему руки назад. А если разживемся и конем, посадим пленника на коня. И тогда ты, Криштоф, и ты, коротышка, поедете один слева, другой справа от турка; привяжете поводья его коня к поводьям своих коней и отвезете пленника домой. Вздумает бежать, говорить, кричать или соскользнуть с ло-

шади – сразу бейте его.

– А если не захватим коня? – спросил Криштоф.

– Тогда придется ему бежать рядом с вашими конями. Но вы все равно поспешайте домой, не ждите нас.

Помолчали. Ночь стояла тихая. Слышалось только жалобное жужжанье осенних насекомых в виноградниках, да иногда раздавался далекий конский топот.

– Вспыхнуло! – сказал, наконец, кто-то.

Все увидели, как взвилось пламя.

– Идет! – слышались вскоре тихие голоса.

И руки потянулись к поводьям.

Из тьмы кустарников вынырнула фигура Петера. Он несяся стремглав.

– Дозорного заколол! – сказал он запыхавшись. – Даже охнуть не успел, как мешок свалился. Костер горит между шатрами. Возле него сидит турок, вроде как слуга. В руке у него желтые туфли, на коленях желтая краска...

– Денщик, – улыбнувшись, промолвил Гергей. – Дальше.

– Остальные сотнями спят вповалку – кто прямо на траве, кто на одеялах слева от костра.

– Спят?

– Как медведи.

Гергей натянул ремешок шапки под подбородок.

– Ну, ребята, двинулись! Ехать по возможности врозь, в десяти шагах друг от друга. Развернемся! Когда я выстрелю, вы тоже разом палите в них и нападайте, как волки, кричите,

войте, рубите – словом, как говорится: «Бей, молодец, враг – не отец!»

– Орите во всю мочь, так орите, будто нас тысяча, – добавил Петё.

Бодогфальви тоже сел на коня. Отряд, развернувшись полукругом, двинулся на восток.

Петё ехал с краю. Его издали можно было признать по трем орлиным перьям на шлеме. Он ехал рысцой, равняясь на Гергея.

Теперь отряд вел Гергей.

Некоторое время он тихо трусил вдоль кустарников и вдруг пустил коня бешеным галопом.

В ночи раздался первый дикий вопль и выстрел турка. Гергей ответил выстрелом. Тут затрещали все пистолеты, и сто всадников с криком «Руби, бей окаянных!», точно адский вихрь, налетели на спящий турецкий лагерь.

Турецкий стан ожил, наполнился треском и громом. Крики турок и венгерцев слились в единый бушующий ураган. Спавшие внезапно проснулись, вскочили с земли, забегали, заматались и, обезумев от ужаса, давя друг друга, ринулись в проходы между шатрами.

– Вперед! Вперед! – кричал Гергей.

– Аллах! Аллах акбар!¹⁷ – вопили турки.

– А, черт! – крикнул кто-то пронзительно.

– Бей собаку! – ревел где-то между шатрами Гашпар Петё.

¹⁷ Аллах велик!

Турки вопят, кричат венгерцы. Падают черные фигуры, подпрыгивают, кружатся. Свистят сабли, стучат топорики, топают, фыркают кони, с треском валятся шатры, воют собаки. Земля дрожит под ногами несущихся коней.

Гергей налетает на кучку прижавшихся друг к другу басурман, рубит их, крошит, бьет по чему попало. Сабля его не дает пощады, и падают турки, валятся перед ним, как колосья пшеницы в июне, когда по ниве скачет борзая.

– Аллах! Аллах!

– Получай, пес басурман!

Все турецкие лошади пасутся в табуне. Пытаясь спастись, турки ятаганами режут путы и вскакивают на коней.

– Ребята, за мной! – кричит Гергей.

И венгерцы обрушиваются на всадников. Рубят, колют и людей и коней. Звенят клинки, трещат копыя.

– Аллах! Аллах!

– На тебе, пес поганый! – слышны крики и удары.

Турки в ужасе прыгают на коней. На иных – даже по два. Кто может, спасается верхом. А кому не удастся вскочить на коня, удирает во тьме пешком.

Но Гергей не преследует их. Он останавливается и трубит сбор.

Венгерцы выскакивают к нему из-за шатров.

– Турки бегут! – кричит Гергей. – Бери, ребята, все, что можно, только не выпускайте из рук уздечки коня. Вытаскивайте головни из костров и кидайте их в шатры!

Венгерцы снова рассыпаются. Гергей стряхивает кровь с сабли и, чтобы очистить ее, трижды протыкает клинком полотнище шатра.

– Фу ты! Вот мерзкая работа! – говорит он, задыхаясь, Золтаи, который таким же способом вытирает свою саблю.

А турок уже и след простыл.

Гергей подзывает к себе Фюгеди:

– Пойдем, осмотрим все шатры подряд.

При тусклом свете луны не отличишь шатер старшего офицера. Шатры все разные – один круглый, другой четырехугольный. Те, что понаряднее других, заранее приготовлены для кого-нибудь из начальства, но пока что в них спали рядовые.

Гергей срывает с одного шатра флаг с конским хвостом и, увидев Криштофа, кричит:

– Ну что, мальчик, порубал?

– Двоих! – отвечает оруженосец запыхавшись.

– Только двоих?

– Остальные убежали.

Солдаты раздобыли несколько повозок и телег. Набросали в них то, что не удалось погрузить на коней: ковры, волоченые бунчуки, блиставшие драгоценными камнями кутасы (шейное украшение коня), сбрую, сундуки с одеждой, шлемы, ружья, посуду – словом, все, что попадалось под руку. Разобрали даже несколько шатров и тоже кинули их на телеги.

Когда вернулись в крепость, уже светало.

Добо с нетерпением поджидал их на башне. Если вылазка кончится неудачно, народ в крепости падет духом. Но больше всего он беспокоился потому, что Гергей взял с собой троих старших офицеров. Однако, увидев несущегося впереди оруженосца и показавшихся вскоре на дороге нагруженных коней, повозки, телеги и самого Гергея, который уже издали размахивал бунчуком, Добо просиял от радости.

Витязи влетели в ворота. Народ приветствовал их восторженными криками.

Людей в отряде не только не ubyло, а даже прибавилось: долговязый парень привел турка с кляпом во рту. Короткая синяя поддевка, желтые штаны, постолы – вот и вся одежда пленника. Тюрбан сбит с наголо выбритой головы, седые лохматые усы нависли над губами. Турок в негодовании вращал налившимися кровью глазами. Парень приволок пленника прямо к Добо и только там вытащил у него изо рта затычку, на которую ушел обрывок чалмы.

– Честь имею доложить, господин капитан: мы привели языка!

– Осел! – заревел разъяренный турецкий тигр прямо в глаза храбрецу.

Добо был не из смешливых, но тут он так весело захохотал, что у него даже слезы выступили на глазах.

– Варшани, – сказал он пленнику, – хорошо же ты изображаешь турка! – И, обернувшись к солдату, приказал: – Да

развяжи его! Ведь это наш лазутчик.

– Я пытался объяснить дураку, что я венгерец, – горестно объяснял Варшани, – но только скажу слово – он сразу меня по башке, а потом даже рот заткнул. – И Варшани поднял руку, собираясь отплатить за оплеуху.

Солдат смущенно отошел в сторону.

Добо подозвал Гергея и Мекчеи, крикнул и лазутчику:

– Пойдем!

Они поднялись в построенный над внутренними воротами двухэтажный дом с башенкой и завернули в комнату приворотника.

Добо сел в плетеное кресло и знаком приказал Варшани рассказывать.

– Так вот, господин капитан, – начал лазутчик, потирая онемевшую руку. – Идет вся рать. Впереди – Ахмет-паша. На ночь остановились в Абоне. Передовые части во главе с Мэндэ-беєм дошли до Маклара... Черт бы его побрал! – прибавил он изменившимся голосом.

«Черт бы его побрал!» относилось к солдату, который приволок Варшани в крепость. Веревка оставила глубокие следы на руках, голова болела от ударов.

– Стало быть, и бей был с вами? – встрепенулся Гергей. – Вот кого надо было поймать!

– С ним не справишься, – возразил лазутчик. – Он толст, как монастырский кабан. В нем, наверно, фунтов триста ве-

су, если не больше.

– Как ты его назвал?

– Мэндэ. Его и пуля не берет. Беем он стал недавно, после темешварского сражения. Впрочем, солдаты по-прежнему называют его Хайваном.

Гергей, улыбнувшись, затряс головой.

– Это он, он самый, – обратился Гергей к обоим капитанам, – тот, о котором я наемни вечером рассказывал. Ну, здесь-то его пуля возьмет!

– Говори дальше, – сказал Добо лазутчику.

– Потом подойдет бейлер-бей Махмед Соколович. Это знаменитый пушкарь. Он и пушки сам установит и первый выстрелит. Говорят, у него такой глаз, что сквозь стены видит. Да только я этому не верю.

– Сколько у них орудий?

– Старых стенобитных – штук шестнадцать. Других больших пушек – восемьдесят пять. Маленьких пушек – сто пятьдесят. Мортир – уйма. Ядра они везут на ста сорока телегах. Видел я и двести верблюдов, груженных порохом. На мажаре, запряженной четырьмя волами, везут одни только мраморные ядра величиной с самый большой арбуз.

– А как у них с припасами?

– Рису маловато. Теперь уж рис только офицерам выдают. А муку, овец, коров они грабежом добывают у жителей.

– Болезней в лагере нет?

– Нет. Только Касон-бей заболел в Хатване – огурцов объ-

елся.

– Кто ж идет еще?

– Арслан-бей.

– Сын бывшего будайского паши?

– Да.

– А еще?

– Мустафа-бей, Камбер-бей, правитель Нандорфехервара, сендрейский бей, Дервиш-бей, Вели-бей...

– Дьявол возьми этого Вели-бея! – проворчал Мекчеи. – Теперь-то он у меня запоеет!

– И даже попляшет, – добавил Гергей.

– А Дервиш-бей, – расспрашивал дальше Добо, – это еще что за птица?

Варшани покачал головой:

– Очень странный. С виду такой же, как и все, а когда идет в сражение, снимает бейскую одежду и надевает власяницу. Потому и прозвали его Дервиш-беем.

И Варшани в смущении захлопал глазами. По вопросу Добо он понял, что какой-то другой лазутчик опередил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.